

ПРАВОВАЩИТНИКЪ

Артур Строгов

Артур Строгов

Правозащитник

«Эдитус»

2019

Строгов А.

Правозащитник / А. Строгов — «Эдитус», 2019

ISBN 978-5-00149-150-7

В то время как город неумолимо погружается в пучину беззакония, окутанный туманом бесправия и преступлений, когда порой кажется, что справедливость и закон превратились лишь в забытый отзвук прошлого, на сцену выходит новый персонаж, новый герой – правозащитник, способный бросить вызов самым могущественным «тузам», самым безжалостным политикам и бизнесменам и заставить их понести заслуженное наказание... Кто он, этот правозащитник? Откуда у него такая сила и власть? Он несет свою «миссию» как служение, проходя через бесконечные мытарства и смертельные опасности... Бурная юность, неудачный брак, воспитание приемных детей-сирот, создание благотворительного фонда, неустанная забота о людях, удивительная встреча с молодой и прекрасной девушкой Лизой... Сумеет ли правозащитник отстоять свое право на любовь и победить своих врагов?

ISBN 978-5-00149-150-7

© Строгов А., 2019

© Эдитус, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Катастрофа	5
Глава 2. Преображение	10
Глава 3. Елена	15
Глава 4. Благотворительный фонд	17
Глава 5. Муж сестры	20
Глава 6. Полковник в отставке	23
Глава 7. В университете	25
Глава 8. Отец невесты	29
Глава 9. Земля Черных дроздов	31
Глава 10. Возвращение	39
Глава 11. Свадебное путешествие	42
Глава 12. Предложение Сафронова	48
Глава 13. Приемные дети	52
Глава 14. Логика Елены	58
Глава 15. Отблеск прошлого	61
Часть вторая	65
Глава 1. Тайный совет	65
Глава 2. У себя дома	70
Глава 3. Проблемы жены	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Артур Строгов

Правозащитник

Часть первая

Миссия

Глава 1. Катастрофа

Москва начала 90-х... Беспокойный, шумный, взволнованный город, точно гигантский улей с потревоженным роем ненасытных пчел, уничтожающих все на своем пути... Город дерзких удовольствий, вульгарных полночных забав, преступных желаний; город, презирающий добродетель и любовь, отдающий дань пошлости и насилию; заколдованный Вавилон, в котором гигантский Сфинкс неизменно предлагает извечную загадку неопытному обывателю и безжалостно пожирает души наивных новичков...

Был жаркий вечер августа 19... года. Солнце настолько раскалило брусчатку мостовых, что казалось, камни готовы были превратиться в жидкую глину. На *** бульваре располагались затейливые ночные клубы с пестрыми сверкающими вывесками, навевающими помимо воли вакхические сцены. С некоторых пор *** бульвар стал популярен. Здесь располагались клубы, посещаемые праздной молодежью, богатыми бездельниками, которые вполне заслуженно могли бы получить звание удачливых «риччи», если бы за ними в народе не закрепились более прозаичные пошлые прозвища. Одним из таких заведений был клуб «Орион», располагающийся в старинном флигеле, который печально забыл отреставрировать прежний владелец; впрочем, репутация клуба от этого нисколько не страдала. Наоборот, ходил слух даже о сборище так называемых «избранных», о том узком круге любимцев фортуны, которым судьба преподносит деньги на золотом блюде, а власть – на серебряном. Однако эти баловни судьбы отличались определенными «странностями». Будучи юными и горячими, им хотелось доказать обществу, что они «особенные» и «неповторимые», и могут без труда совершать подвиги, достойные византийских паладинов или римских гладиаторов на арене Колизея. Причем все эти достоинства проявлялись в том, что они устраивали сумасшедшие гонки посреди ночи. Вообразите себе две или три гоночные машины, летящие, словно колесницы Менелая или Диомеда по Тверской улице; на перекрестках же авто напоминали яркие кометы с огненным шлейфом позади, оставляющим выжженные полосы...

* * *

В тот вечер из клуба вышли трое приятелей, одетых, на первый взгляд, слегка небрежно: толстовки, джинсы разных цветов, кеды – все это отнюдь не говорило о принадлежности к «высшим». Один из них – высокий статный молодой человек лет двадцати пяти, с милыми правильными чертами лица, светло-каштановыми длинными волосами – был изрядно навеселе и слегка покачивался.

– Ну что, устроим сегодня очередной «забег»? – спросил он спутника, упитанного юношу с заметно выступающим брюшком.

– Конечно, Алексей, – согласился толстяк, – ведь ты не боишься разбить свой «саг»... Ты можешь превратить в груду металла хоть десять машин. Ведь тебе дедушка подарил бизнес.

– Верно, – отвечал Алексей, – фирма «Белосельский и компания» сегодня ценится дороже всех! Так что брось завидовать, и давай вернемся к сегодняшнему уговору...

– Какому уговору?

– Я обгоню вас всех на моем спорткаре! – ответил Алексей с самонадеянной улыбкой.

Толстяк слегка пожал плечами.

– Мой «Мустанг» не менее хорош... Впрочем, увидим!

– Вот именно, сейчас и увидим, кто победит! Уверен, что моя «тысяча лошадок» обскочит всех в два счета! – прибавил третий, дерзкого вида юнец смуглой наружности с вздернутым носом и выпуклым подбородком.

– Вызов принят! – заключил Алексей и его глаза сверкнули веселым задором. – Теперь условимся о том, какой приз достанется победителю.

Молодые люди поговорили еще немного. И хотя – как мы повторяем – были слегка «навеселе», довольно уверенным шагом направились к своим великолепным «колесницам», которые были небрежно припаркованы на мостовой. Сверкающие «чешуи» автомобилями напоминали гигантских искрящихся жуков, которые внезапно расправили крылья и взмыли в воздух, точно их вспугнула неведомая опасность.

Считанные секунды, и ночной переулок наполнился яростным жужжанием трех несущихся огненных шаров, оставляющих позади себя пылающий шлейф...

Машины летели с головокружительной быстротой, ловко лавируя между небольшими препятствиями, которые встречаются на бульваре. Казалось, они смеялись над каменными тумбами, дорожными ограждениями, «пузатыми» грузовиками. Как и предупреждал Алексей, его «колесница» лидировала среди других. Он с ловкостью опередил соперников еще на *** бульваре и теперь удачно свернул на Тверскую, где должно было пройти основное состязание. Дорога все более подчинялась ему, теперь она представлялась ему ковром, который послушно расстилает перед ним небесный слугитель. Сумасшедшая скорость завораживает подобно зелью; подобно укусу змеи она «разливает» по жилам особый яд удовлетворенного честолюбия и победы; это поймет только тот, кто находит особое удовольствие в этом развлечении – опасном лишь для малодушных сердец. Однако есть тонкая грань – особое состояние, когда разум настолько готов презреть опасность, что никакие страхи, никакие опасения уже не способны удержать неистовый пыл человека. Это опьянение скоростью подобно столбняку, который парализует все силы и лишь подстрекает человека гнать еще быстрее. Нечто подобное опять переживал Алексей. Он понимал, что победил, ведь все его соперники остались далеко позади. Но ему захотелось большего – «выжать» последние соки из послушной «колесницы», и он нажал до отказа педаль. Дорога уже казалась ему не ковром, а сплошным горизонтом, сотканным из мерцающих линий, которые становились все более яркими с каждым мгновением и больно резали глаза... и в какой-то момент он закрыл их... Какая-то ничтожная доля секунды и машина, наскочив на препятствие, подобно колеснице древних гладиаторов, у которой отвалилась ось, подобно ястребу взвилась в воздух и, сделав в свободном полете несколько «сальто», грузно и неумело приземлилась на асфальт...

* * *

Свет, ослепительный свет... Что может быть ярче него? И как глазам тут вообще распознать темноту, если ослепительное, всепоглощающее белое море всецело завладевает зрением, нервами, каждым мускулом, всем существом... и свет захватывает в плен и неумолимо несет в свою неведомую пучину... Полет, ощущение пребывания в некой невесомости. Неведомую доселе мощь и силу ослепительного манящего света – это то, что ощутил Алексей. Ему казалось, что он подобно коршуну вынужден парить на недосыгаемой высоте в океане белого теплого пламени, которое мешало открыть глаза... Тело как будто настолько слилось с океаном

света, что каждая живая клетка кожи сама превратилась в мерцающие искрящиеся флюиды... сознание покинуло ненужную более телесную оболочку и все мысли, хаотичные, странные, неподвластные рассудку, превратились в поток лучей, неизбежно впадающих в общую мощную неумолимую лавину, которая подобно водопаду низвергается вниз с головокружительной высоты. Но сознание, наконец, вернулось, точнее, он не узнал себя... не узнавал свой голос и тело... Открыв глаза, он ужаснулся, увидев, что как бы парит над землей, а внизу простираются величественные горы, украшенные остроконечными вершинами, и луч солнца нежно скользит по их склонам...

И внезапно возник голос в ушах:

– Посмотри на себя, взглядишь в прошлое, осознай все сделанное тобой! Вот каким ты стал!

Глас звучал настолько торжественно и вместе с тем печально, что Алексей ощутил нечто вроде упрёка в душе. Он инстинктивно зажмурил глаза, так как не мог выносить слепящего света. Ему все казалось, что он спит и не может проснуться. Ощущение невесомости и легкости не проходило, точно он действительно парил над землей подобно птице.

Между тем голос продолжал:

– Вместо того, чтобы приносить пользу другим людям и посвятить себя заботе о них, ты погряз в лени, подлости и разврате... Твой эгоизм и беспечность мешали тебе стать тем, кем ты должен быть.

Алексей понял, что нужно произнести что-то в ответ, но не ощутил даже, что в силах открыть рот. Мысленно он хотел оправдаться, произнести одну из тех банальных фраз, какими любой человек может себя мысленно отделить от несчастий других людей: «Я ни в чем не виноват!»

– Ты виновен и грешен, как и любой человек... Вместо того, чтобы использовать то, что тебе было дано от рождения, ты жил лишь для одного себя!

– В чем я виновен?

– Ты стал себялюбцем и гордецом, и не ценил тех благ, которые тебе были даны в жизни и которые ты мог бы использовать для людей... А теперь ты жалеешь о своей жизни?

Алексей тщательно припоминал все свое прошлое, все события, силясь вспомнить ужасное событие, за которое он мог заслужить столь ужасное наказание. Но не мог. Все, что с ним случилось, могло произойти с любым другим богатым человеком, который привык жить в радости и довольстве. И вот теперь он... Но голос, который звучал, казалось, читал все мысли.

– Богатство – это лишь мишура, за которой может скрываться человек. Ты принес страдания не только своим близким... Вспомни сестру... и тех, кто из-за тебя пострадал.

– Да, я виноват... я признаю... но...

– Ты хочешь вновь вернуться к жизни, чтобы вести себя по-прежнему, пребывая в грехе?

– Нет, нет, я клянусь, что если... мне позволят вернуться обратно... я все исправлю... я помирюсь с сестрой... я не буду больше тем, кем я был... Если бы можно было вернуть время назад...

– И ты считаешь, что этого будет достаточно во искупление тех бед, которые ты натворил в мире... в том мире, который ты так любишь? И в котором так жаждешь остаться? Не кажется ли тебе, что ты еще очень много должен сделать... доказать, что твоя жизнь прожита не зря... что ты в силах еще очень много сделать для людей, к которым раньше ты относился с таким презрением...

– Да, конечно, я стану другим!

– Одного желания мало, ты должен стать другим... В тебе заложено и хорошее, и дурное... Помни, что чем больше ты сделаешь для людей, тем более неуязвимым ты станешь для своих врагов... Твой путь будет труден, полон опасностей и тревог, сомнений и споров со своей совестью; ты будешь неустанно бороться с несправедливостью, которая выпадает на долю про-

стых людей. Ты явишься страшным врагом для притеснителей и гонителей тех, кто взывает о помощи... Это огненный путь, который тебе предназначен... и, если ты готов по нему ступить...

– Я готов! Готов! – Алексей словно задышался.

– Ты должен принести клятву в своей душе, отныне быть верным своему слову. Огненный путь, что предназначен тебе, лишь опалит, но не убьет. Помни: отныне ты будешь совсем другим человеком, дурные качества уступят место благородным – подобно тому, как настаивается доброе вино... И еще одно – вернувшись к жизни, к той жизни, к которой ты привык, не бойся бросаться в схватку с твоими противниками. Ни пуля, ни сталь не возьмет тебя до времени... Ты станешь неуязвим для врагов... Храни этот секрет в твоём сердце и не открывай никому...

Глас умолк, но Алексею казалось, что его эхо все еще отражается в мозге, словно в пещере, сплошь состоящей из сталактитов трепещущих мыслей и чувств.

Слепящее мерцание постепенно блекло и сменялось обыкновенной молочной пеленой, подобно утреннему туману. Когда молодому человеку удалось открыть наконец глаза, то он обнаружил себя лежащим на неудобной жесткой кровати, сплошь опутанной проводами. Это была больница. Алексей все сразу понял. Какая это радость – больше не ощущать себя в полете! Вновь обрести свое тело! Как прекрасно быть молодым, здоровым, полным сил! Знать, что весь ужас остался позади! Но нет, он ведь дал клятву стать другим, и даже сейчас у него в ушах звучал голос: «Чем больше ты сделаешь для людей, тем более станешь неуязвимым для врагов»... Итак, отныне у него другая жизнь! И она начинается сегодня!

Немного погодя он попробовал слегка приподнять левую руку, затем правую. То же самое он проделал и с ногами, и с радостью убедился, что тело, пусть еще и вяло, но подчиняется его разуму. Немного погодя пришел врач, но он почти его не слушал. Ему сказали, что пришла навестить сестра. При имени Марины он вздрогнул и с силой сжал руку врача так, что тот невольно поморщился.

– Приведите мне сестру! – произнес Алексей и с удивлением понял, что не совсем узнает свой голос. Он звучал хрипло и резко, хотя и властно.

Марина встретила его вначале слегка настороженно.

– Ты знаешь, что ты чуть было не...

– Это неважно, со мной все будет хорошо, поверь, – произнес Алексей уверенным тоном. – В прошлом я... я вел себя непорядочно по отношению к тебе...

Сестра с удивлением взглянула на него.

– Да, да, послушай меня, не перебивай. Я виноват перед тобой, я признаю это. Ты, наверно, думаешь, что я говорю, потому что лежу тут? Но это не так! Через три дня я выйду отсюда... И мы поговорим, обещаю... Во-первых, я помогу тебе решить проблему с мужем и помогу твоему сыну.

Марина широко раскрыла глаза, словно не веря своим ушам.

– Не благодари, сейчас я пока еще слишком слаб... Но все изменится, поверь мне. Настолько, что ты даже не представляешь.

– Доктор сказал, что ты ударился головой...

Алексей с улыбкой парировал:

– То, что я говорю – это не сиюминутная вспышка раскаяния... Поверь, очень многое изменится.

– Я тебя не понимаю.

– Ты увидишь, Марина. Как это будет... Не думай ни о чем... Да, и вот еще... у меня к тебе просьба, пока не говори ни моим друзьям, ни Елене обо мне... Я не желаю пока никого видеть, хорошо?

Она улыбнулась.

– Я все сделаю, чтобы моя дорогая сестренка была счастлива!

Он произнес эту фразу, но вдруг ощутил, как сердцу стало тесно в груди. «Как странно, – подумал он, – такие простые слова, но я почти счастлив, произнеся их».

– Ты точно не болен? – вдруг произнесла Марина.

Он понял ход ее мыслей.

– Мариночка, мой ум ясен и тверд... Впрочем, сейчас мне нужно отдохнуть. И еще одно...

– Что еще?

– Здесь есть поблизости церковь?

– Есть, но я не понимаю.

Он замолчал.

Сестра ушла, качая головой. Она не узнавала своего брата. И она решила, что это последствие аварии. Остальные родственники не пожелали явиться. Впрочем, пожаловал Дмитрий, с которым он попросту притворялся как мог, убеждая, что ничего не помнит. На третий день явились многочисленные подруги, с которыми Белосельскому ранее нравилось играть в «романтические» идиллии. Елена, которая была больше всех дорога ему, не смогла или не захотела прийти. А ведь он так перед ней был виноват! Нет, он все исправит и извинится перед ней...

Не через три дня, а недели через две к Алексею начали возвращаться силы. Он избегал встреч с друзьями и подругами и принимал только Марину. С сестрой он окончательно помирился.

– Кстати, я собираюсь вернуть тебе акции, которые достались мне от дедушки. Я тогда поступил подло... Не благодари... Но это еще не все. Как только я окрепну, все узнают...

– О чем?

– Пока рано об этом говорить. Я еще не полностью восстановил силы. Но очень скоро все узнают о моем решении. Я тебе скажу, как тогда нужно поступить. И еще, дай мне, пожалуйста, адрес и телефон того друга дедушки... который... военный в отставке... Мне с ним нужно поговорить, а еще лучше увидеться.

– Зачем тебе этот ворчун?

– Видишь ли, мне в скором времени понадобится надежная охрана... ведь то, чем я собираюсь заняться, очень не понравится многим людям...

– И чем же?

– Благотворительностью... – произнес Белосельский так тихо, что сестра не услышала его. – Неважно, сделай, как я прошу!

Марина с сомнением покачала головой и провела рукой по его слегка взлохмаченным светлым волосам.

– Как скажешь... Но ты точно не болен? Может, у тебя что-то не в порядке?

Но он нетерпеливо прервал ее:

– И помни теперь, что я всегда на твоей стороне. Я твой брат, и не дам в обиду мою сестру! Никогда!

Сестра ушла удивленная. Она не знала, приписывать ли благодушное настроение брата его чудесному воскрешению после жуткой аварии или, наоборот, страшиться начала худшей болезни, зовущейся весьма красноречиво в устах простого народа.

Алексей пребывал в раздумьях. Они не были отмечены ни печатью меланхолии, ни мизантропии. Наоборот, пока он выздоравливал, он делал кое-какие заметки в дневнике, прикидывал будущие расходы и даже позвонил старому другу деда – полковнику в отставке, которого помнил с детства.

Глава 2. Преображение

Пятого августа роскошный трехэтажный особняк, располагающийся в одном из самых престижных районов Подмосковья, был полон народа. С самого утра во дворе, у фонтана, на игровых площадках и на тропинках для гольфа царило небывало возбуждение. Как мог догадаться читатель, особняк этот принадлежал Белосельскому и был его «личной резиденцией», где он любил проводить немало времени. Многочисленные друзья, приятели, родственники, подружки, – все те, кто составлял непосредственный круг общения Белосельского, сегодня желали в этот знаменательный день оказаться здесь, поприветствовать «воскресшего Алешу» и заверить его в своей любви и преданности. Больше всех усердствовал Дмитрий, двоюродный брат, совладелец бизнеса Белосельского, упитанный лысоватый человек лет сорока; с вызывающей надменностью он отдавал приказы повсюду – куда удобнее поставить праздничный торт, как рациональнее разместить афишу «COME BACK, ALEXEY» и повесить воздушные шары. Впрочем, было решено накрыть праздничный стол прямо в гостиной, а затем продолжить веселье в бассейне. Дмитрий сообщил, что машина за Алексеем уже выехала и должна была привезти хозяина часам к пяти, не раньше. А пока что Дмитрий считал себя почти что владельцем этого роскошного дома. Он разговаривал со всеми покровительственным тоном, непристойно шутил, позволял себе адресовывать нескромные жесты девушкам, которые сами, надо сказать, не прочь были пофлиртовать, ибо все знали о значительном состоянии двоюродного брата Белосельского.

Наконец, когда гости и приглашенные уже устали от ожидания, Дмитрий оповестил всех, что машина через пять минут появится у ворот.

– Надо сделать сюрприз! Как на дне рождения! Сегодня мой дорогой Алеша должен понять, насколько мы его любим!

Идея была поддержана всеми. Марина была тоже здесь, хотя Дмитрий сказал ей несколько крайне вызывающих слов.

Черный лимузин проехал через парадный вход, и вскоре все увидели виновника торжества. Он выглядел немного похудевшим и осунувшимся. Несмотря на прохладный день, он был в рубашке с коротким рукавом и в слегка помятых брюках. Лицо его хранило слегка печальное и в то же время величественное выражение; в глазах притаилась насмешливая искра. В довершение ко всему он был небрит. Первое, что заметили гости, Алексей сухо поздоровался со всеми, несмотря на то, что его хотели обнять и расцеловать столько трепещущих губ. Напрасно очаровательные девушки обнимали молодого человека за шею, напрасно расточали самые сладкие многообещающие взгляды; напрасно Дмитрий буквально «душил» в объятиях брата – Алексей отпрянул от него как от змеи и прошептал лишь одно слово: «Иуда!» Если брат и расслышал это слово, то не придавал этому никакого значения. После многочисленных, полных фальши поздравлений и неискренних пожеланий здоровья Дмитрий взял микрофон и поднял руку – голоса тотчас смолкли.

– По такому торжественному случаю я пригласил знаменитую рок-группу, которая...

Но здесь все с удивлением увидели, что Алексей резко выпрямился, почти вырвал микрофон из рук брата и, насильно усадив за стол, произнес твердым и спокойным голосом:

– Долг вежливости требует, чтобы я поблагодарил всех присутствующих за этот теплый прием, который меня, разумеется, еще полностью не разуверил в том, что в мире больше нет искренности... Что ж, я благодарю вас, господа, за этот музыкальный номер, за все эти изъявления симпатии и любви... Но... (при этом за столом наступила тягостная тишина и многие стали переглядываться) к сожалению, или, вернее, к счастью для меня, это все является бесполезным... Это дань моему прошлому... Ибо Алексея Белосельского больше нет... Да! Да!

Алексей разбился в аварии месяц тому назад на Тверской улице. Того человека, которого вы любили и ценили, и который посещал с вами клубы, ездил на пикники, больше не существует!

Трудно описать то впечатление, которое произвели на всех слова Белосельского. Дмитрий решил, что это шутка, и попытался встать, но был усажен таким резким жестом брата, который заставил его усомниться в здравости рассудка последнего.

– Я говорю, что отныне я буду тщательно выбирать людей, которых можно именовать священным словом «друг»... Первым делом я избавлюсь от братьев, проворачивающих за спиной махинации, а потом скрывающихся в тени своих кабинетов; я вышвырну вон из этого дома приживалок, которые даже не заслуживают статуса «подружек»; я не потерплю лицемерных приятелей, которые способны лишь вытягивать деньги на бесконечные развлечения и делать ставки в казино... Этого я в своем доме не потерплю!

Если бы молния влетела в окно и ударила посреди всего этого сборища, то она и тогда бы произвела меньший эффект, чем слова Белосельского. У многих широко раскрылись глаза и чуть не вылезли «из орбит»; девушки разочарованно опустили глаза; хмельные приятели выглядели несколько пришибленными. Одна из «нимф», дерзкого вида красотка по имени Лола, резко вскочила из-за стола и решительно направилась к Белосельскому:

– Ты что же, бросаешь меня?

– Успокойтесь! – пробовал вмешаться Дмитрий. – Мой брат еще не выздоровел... Он еще болен... Ты же видишь...

– Я тебе больше не брат, – возразил Белосельский, – я не могу быть братом такому мошеннику и негодяю, как ты! Кстати, тебе, наверно, невдомек, что я передал уже в прокуратуру документы по той недвижимости, которую ты приобрел в прошлом году... Из-за тебя пострадали люди... Я позабочусь о том, чтобы ты понес должное наказание...

При этих словах Дмитрий весь позеленел.

– Ты не понимаешь, что говоришь! Ты болен и должен оставаться в больнице! Я позабочусь об этом!

– Не выйдет... Теперь я вижу все ваши ходы наперед и различаю ложь и правду, как свет и темноту...

– Тебя признают недееспособным! – вскричал Дмитрий, застыв в угрожающей позе.

При этих словах раздался звон стекла. И все гости, и без того удивленные всем происходящим, увидели людей в черном с оружием в руках. Они, точно «преторианцы», построившись в боевой порядок, навели пистолеты на гостей и в особенности на Дмитрия.

– Что происходит?

– Захват заложников!

Девушки закричали и стали звать на помощь.

– Успокойтесь, это мои люди! Я хорошенько подготовился к этой встрече! – вскричал Белосельский, в то время как Дмитрий уткнулся носом в пол под сильным нажимом «преторианцев».

Белосельский простер руку вверх и вновь воцарилась тишина.

– Итак, слушайте все! Как я сказал, я собираюсь избавиться от тех, кто столько лет лицемерил, предавал и обкрадывал меня. Все эти люди покинут мой дом. Со мной останется только Марина... Вам придется смириться с моим решением, ибо оно неизменно.

– Ты болен... ты проведешь всю жизнь в сумасшедшем доме! – Дмитрий брюзжал слюной, выкрикивал угрозы и извивался в руках «черных преторианцев». – Ты свихнулся после аварии!

– Вы заблуждаетесь, мой ум ясен и тверд как никогда. Кстати, знайте все, что я продаю свой бизнес и буду заниматься совсем другими вещами. Я собираюсь стать полезным обществу. Очень скоро мое имя будут произносить с ненавистью и с угрозами на устах, но мне это безразлично, ибо я знаю, что я смогу победить...

– Чем же ты намереваешься заняться? – спросила Лола с вызывающей улыбкой.

– Я стану правозащитником... точнее, защитником прав людей.

– Ха-ха, – рассмеялась Лола, – ты в аварии повредил не только машину, но и мозги! Ты знаешь, кто ты?

Красотка попыталась выкрикнуть еще какие-то угрозы, но Белосельский дал знак своим людям, и через пять минут не было и следа от приглашенных «нахлебников». Молодой человек остался со своей сестрой.

Некоторое время они хранили молчание.

– Ты тоже считаешь меня сумасшедшим?

– Нет, ну что ты!

Она подошла к брату и нежно обняла его, как может обнять только самый близкий человек.

– Я восхищаюсь тобой!

Он улыбнулся.

– Но с тобой явно что-то произошло...

Белосельский отвечал:

– Это верно, но это должно остаться секретом. У меня было время переосмыслить всю мою жизнь... После катастрофы я многое понял... словно пелена упала с моих глаз...

– Но ты точно выздоровел?

Белосельский улыбнулся.

– Конечно, и готов к моей миссии...

– Миссии... что это значит?

– Пока еще рано об этом говорить... Мне много нужно сделать, многое предпринять, многому научиться... На совершенство я не претендую.

– Не может же быть, чтобы ты...

– Изменился за один день? Ты это хотела сказать? Конечно нет, я полон недостатков, как и месяц назад. Но я найду в себе силы их преодолеть...

– Ты правда не хочешь больше знать со всеми друзьями, которых прогнал?

– Нет. Я сожалею лишь, что здесь нет Елены...

– Она не захотела прийти... Дмитрий ей сказал, что ты не желаешь ее видеть.

– Я знаю, но это все равно моя вина. Я должен с ней увидеться... Хорошо, Марина, теперь я сдержу слово, которое дал тебе еще в больнице. Пакет акций будет тебе передан без каких бы то ни было условий. В остальных твоих делах я тебе помогу.

– Я благодарна тебе, но имею ли я право...

– Конечно имеешь.

– Все равно, когда-нибудь ты мне все расскажешь...

Белосельский лукаво улыбнулся.

– Все может быть... Я провожу тебя.

И велел отвезти Марину домой на своем черном лимузине.

Белосельский вернулся в гостиную и дал распоряжение горничной немедленно покончить с беспорядком, который царил почти во всем доме. Он поднялся к себе в кабинет, открыл несгораемый сейф, просмотрел некоторые документы и взял с собой пачку банкнот, перевязанных лентой. Ему доложили, что один человек ожидает его у входа. Белосельский приказал ему немедленно подняться. Вошел высокий человек лет тридцати пяти, крепкий, загорелый, широкоплечий; зеленая униформа выдавала в нем военного.

Белосельский поздоровался с ним за руку.

– Виталий, – представился вошедший и улыбнулся своей уверенной и чуть снисходительной улыбкой.

Белосельский внимательно изучал вошедшего секунд десять и затем произнес:

– Вы знаете, зачем здесь и какова работа, о которой говорил...

– Да, да, – резко прервал Виталий, – и этот же человек дал рекомендации на мой счет. Полагаю, это тоже Вам известно.

– Да, конечно, рекомендации, безусловно, важны, но я привык полагаться на собственное мнение. Так что я поздравляю Вас, Вы приняты.

– Спасибо. Мне все-таки хотелось бы знать, каковы будут мои обязанности? Предупреждаю сразу, что ничего противозаконного не...

– Это не понадобится! – возразил Белосельский. – Должность начальника охраны отнюдь не будет вынуждать Вас делать то, что Вам не по душе. Видите ли, Вы будете не только моим телохранителем... Время от времени Вы будете выполнять небольшие поручения – именно Вы, лично. Это никак не пойдет вразрез с Вашей совестью. Мне нужна лишь преданность и верность.

– За меня уже поручились.

– Да, но есть просто преданность, а есть абсолютная преданность.

– Мне странно слышать такие слова, ведь я не работал у Вас... Может, я Вам не подойду?

– Мне нравится Ваша искренность. Вы не подойдете в том случае, если станете лгать мне...

– Всегда есть место лжи. Правдивым человек может быть только с самим собой.

– Я имею в виду другое... Вы будете руководить другими людьми, которые должны быть такими же преданными. Если возникнут какие-либо проблемы, Вы просто дайте мне знать. Мне нужна единая целая команда, которая будет меня охранять днем и ночью. Это значит, по сути, что моя жизнь, мои секреты будут в Ваших руках, и мне нужно лишь полагаться на Вашу скромность в этом отношении.

– Я человек простой, – отвечал Виталий, – не умею красиво выражаться. Я уже дал слово и этого достаточно. Если Вы мне поручите набрать людей, я это сделаю.

– В этом плане я полностью полагаюсь на Вас.

– Однако позвольте вопрос... откровенный вопрос.

– Конечно, ведь, по сути, у нас не будет секретов друг от друга – Вы же постоянно будете при моей персоне.

– Если сработаемся, конечно, – отвечал Виталий. – Я, как уже сказал, человек прямой, и иной раз люблю крепкое словцо. А Вы человек...

– При мне Вы можете выражаться как угодно. Исключение составляют лишь мои родственники. Это все мелочи. Но в чем состоит Ваш вопрос?

– Почему Вам так срочно нужна сильная охрана? Вы получили угрозы? Сейчас время непростое... я подумал, что...

– Нет, сейчас никаких угроз нет, но они будут...

– Простите, не понял?

– Я говорю, что очень скоро весь мир будет меня ненавидеть за то, чем я собираюсь заняться...

– Чем же таким может заняться такой богатый высокообразованный человек, как Вы, если только он не...

– Я собираюсь стать правозащитником. И не только... То, что я буду предпринимать, будет не просто вызывать ярость или негодование; очень многие люди – продажные политики, коррумпированные чиновники – захотят свести со мной счеты... Но это все в будущем. Пока еще я слаб... я не обрел всей полноты силы, и на данный момент мне угрожает лишь мой двоюродный брат, с которым у меня совместный бизнес. Я понимаю, о чем Вы думаете, Виталий, – улыбнулся Белосельский, – что у нас, у богатых, свои причуды. Так оно и есть. Как раз одной из таких причуд станет моя миссия...

– Что за миссия?

– Она скоро станет известна... Кстати, мы будем много разъезжать, командировки, перелеты, мы будем колесить по всему миру, оставляя позади себя незабываемую память.

– Всегда мечтал о такой работе.

– Слишком сильно не радуйтесь, – предупредил Белосельский, – Вы займетесь тем, что будете отслеживать снайперов, которые захотят меня застрелить... Но это все в будущем... Пока что я просто говорю Вам, что Вы – мой новый начальник охраны. Вот задаток.

И он протянул перевязанные купюры в руки Виталия.

– И вот первое задание. Мне нужен вот этот адвокат, привезите мне его. Скажите, что я хочу с ним поговорить. Да, кстати, теперь дом и все, что в нем – машины, гаражи – все это переходит к Вам. Вы будете сами за этим следить. Мне некогда, мне предстоит еще очень много сделать...

Виталий кивнул.

– Кроме адвоката выясните судьбу одной девушки, которая пострадала в аварии в начале июля. Детали найдете в этих бумагах... Мне нужен адрес больницы и адрес места жительства девушки. Если необходимо – оплатите лечение, и сделайте так, чтобы она ни в чем не нуждалась... Позже я навещу ее сам. Да, и кстати, Вы будете иметь дело со значительными суммами, наличными и безналичными. И если вдруг Вам понадобятся лишние деньги, предупредите меня, пожалуйста, об этом.

Виталий кивнул.

– Это все?

– Да.

– А как же испытательный срок? – спросил Виталий.

– Не нужно, – ответил Белосельский. – Без испытательного срока. Я же сказал, что Вы приняты. Приступайте к своим обязанностям... Работа сложная и тяжелая, но обещаю, что «лишнюю нагрузку» я Вам оплачу.

Виталий кивнул и в конце пробормотал старое армейское «разрешите идти», но Белосельский почти дружески кивнул своему начальнику охраны и отпустил жестом головы.

Глава 3. Елена

С Еленой Белосельский познакомился в университете, она училась на том же факультете. Это была грациозная стройная девушка с длинными соломенными волосами, гибкой фигуркой и звонким голосом жаворонка. Сквозь едкую иронию ее речей проглядывал пытливый расчетливый ум, прагматичное мышление, сводящееся к рациональному осознанию пригодности теорем и формул, которые ей преподносили профессора на лекциях. Елена отличалась непостоянным капризным характером, как и любая красавица, но Алексей нравился ей, и она дала ему это понять. Отвечая на флирт, Белосельский (до катастрофы) не планировал заводить с девушкой серьезных отношений и продолжал подтрунивать над нею. Окончательное объяснение состоялось у Алексея с Еленой в клубе, где он встретил девушку в компании друзей. Он увез ее к себе в особняк...

После этого, однако, его интерес стал постепенно иссякать. Елена же ожесточилась и в душе затаила обиду. В сущности, очень много девушек «вешались» на молодого человека не только из-за его располагающей внешности, но и из-за прочного финансового положения. На курсе все знали, что Белосельский – наследник громадного состояния, душа любой компании. Он воплощал самые честолюбивые устремления молодых людей. А именно в юности так хочется, чтобы самые безумные мечты обрели очертание реальности – хотя бы в отдаленном будущем... Поэтому для своих сверстников Алексей как раз и был неким кумиром, перед которым преклонялись, которому льстили, перед которым заискивали. До аварии духовный мир Белосельского можно было описать всего несколькими словами: пустой, напыщенный, самовлюбленный юноша, увлеченный шумными дискотеками, гонками на спортивных машинах и английским гольфом. Где-то на самом дне его холодного сердца словно пребывали, застывшие как льдины Ледовитого океана, такие качества как совесть, благородство и способность сопереживания. Но эгоизм и вседозволенность так глубоко пустили свои корни, что казалось, ничто не может разбить эти оковы, эти цепи, не позволяющие благородным чувствам взять верх... Ведь что есть душа – это вечное борение стихий, вечное столкновение страстей и желаний, над которыми не всегда властен человек...

* * *

– Елена, послушай, давай поговорим! Я хочу с тобой поговорить с того времени, как случились важные события в моей жизни... и, может быть, в твоей тоже...

Она шли по набережной; дорога была усыпана увядающими сухими листьями; выглядывающее из облаков солнце золотило их и словно превращало в узор для бархатистого малахитового ковра.

– Ты столько дней меня преследуешь, звонишь подругам! Прекрати, я знаю, какой ты! Я только что вернулась из Ялты...

– Елена, ты не даешь мне сказать ни слова!

– А что ты хочешь сказать? Чем на этот раз желаешь себя оправдать? Чтобы я была с человеком, который ведет себя столь безответственно? Ведь в этой аварии пострадал не только ты...

– Я знаю, я как раз собираюсь помочь всем, кто пострадал... я не эгоист, пойми... Я искал с тобой встречи, потому что хотел попросить прощения за прошлое. Да, я был негодяем, подонком... Но после того случая...

– Да, я уже слышала про твои очередные выходки... Ты рассорился со всеми родственниками, обвинил брата во всех смертных грехах, ведешь себя странно... у тебя раздвоение личности, что ли? Знаешь, как называется то, что с тобой происходит?

– Я действительно изменил имя, это, если угодно, мой псевдоним... Но это совсем не должно тебя смущать. Да, этот случай, эта авария изменила меня...

– За месяц человек не может поменяться.

– И тем не менее это так... Конечно, во мне полно недостатков, но теперь у меня есть силы их преодолеть. Вспомни то, о чем мы мечтали...

– Ты всегда останешься таким, какой есть... Ты обидел меня тогда, и я...

– Я порвал со всеми друзьями и подругами. Они мне не нужны. Ты понимаешь, о чем я?

Он попытался взять ее за руку, но девушка вырвалась.

– Ты же опять ведешь себя как животное! Разве не видишь?! А мой отец был еще такого высокого мнения о тебе...

Елена резко повернулась и сверкнула глазами. Ветер стал заигрывать с ее длинными золотыми волосами.

– Ты с ума сошел?!

– Нет, я делаю тебе официальное предложение...

Она отвернулась, но он крепко взял ее руку и уже не отпустил.

– Ты же меня знаешь, я жду твоего ответа.

– Ты ненормальный!

Он принялся целовать соблазнительные губы девушки. Елене пришлось покориться. Когда она вырвалась из объятий, то вновь разразилась упреками.

– Я тебе так шутить с собой не позволю!

– Я вовсе не шучу! Посмотри на меня! Чем я плох? Мне почти тридцать лет, у меня свой бизнес, я скоро стану еще более богатым и известным... известным правозащитником... Ты будешь гордиться мною.

Она более внимательно посмотрела ему в глаза, ища в них искры безумия, и не увидела.

– Ты правда хочешь на мне жениться? И делаешь предложение так внезапно? Но почему ты вел себя так гадко?

– Я был не прав и уже извинился за это. Не будем вспоминать. Для меня начинается новая жизнь...

– Когда делают девушке предложение, то обычно ей что-то дарят, – заметила Елена, – тем более, такой девушке, как я.

– Милая Елена, ты думаешь обо мне хуже, чем я есть. Кто тебе сказал, что я об этом не подумал заранее?

Белосельский извлек из кармана небольшую бархатную коробочку, скрывающую великолепный перстень с бриллиантом. Увидев такой роскошный подарок, девушка просияла и даже сменила гнев на милость.

– Ты знаешь, мне понравилось, как ты мне сделал предложение. А я тем временем подумаю... пойдём в кафе.

– Точнее, в ресторан!

– Мне нужно вернуться не поздно.

– Обещаю, что отвезу потом до дома, и не забудь только, что ты моя невеста!

И Белосельский сделал знак Виталию, который, находясь неподалеку, жадно ловил знаки шефа. Подъехала «черная карета», Белосельский открыл дверцу будущей жене, бережно усадил и приказал:

– В «Метрополь»!

Глава 4. Благотворительный фонд

Глава благотворительной организации – господин К***, благообразный старец – важно восседал на своем кресле, точно на насесте и не спеша разбирал документы, разложенные в симметричном порядке на столе. Золоченые старинные часы с маятником и кукушкой только что пробили шесть часов. К*** отбросил бумаги, задумчиво прошелся по кабинету и выглянул в окно, выходящее на Кузнецкий мост. Убедившись, что его иномарка надежно припаркована перед зданием, старик решил надеть выходной фрак, как вдруг ему доложили о неожиданном визите некоего бизнесмена. Хотя К*** и не ожидал гостя, тем не менее он относился к тем людям, что уважают тех, кого судьба щедро «держала за пазухой». К*** изумился, увидев перед собой совсем еще молодого человека, гладковыбритого, с безупречно уложенными, напомаженными, светло-каштановыми волосами. Однако с первого взгляда он ощутил на себе взгляд гостя – пронзительный, завораживающий, в котором ощущалось столько скрытой силы, которая, казалось, была даже важнее, чем слова, которые он произносил. Отбросив обычные приветствия, Белосельский перешел к самой сути дела с поразительной прямоотой и упорством:

– Я знаю, что Вы один из первых организаторов благотворительных обществ в Москве. Конечно, их насчитывается более тысячи, и их деятельность не всегда правильно определена законодательно, но по наведенным справкам мне нужны именно Вы!

К*** недоумевал, но Белосельский уверенно продолжал:

– Вам может показаться слишком опрометчивым мой шаг и предложение, так как у нас не принято приглашать к партнерству лиц, которые ничего не знают друг о друге... Но тем не менее я хочу предложить Вам партнерство. Я сделаю даже больше – я создам свой собственный большой фонд пожертвований. Финансирование я полностью беру на себя. Кроме того, я хотел бы поддержать некоторые Ваши проекты, которые мне представляются чрезвычайно важными и востребованными.

– Все это несколько неожиданно, Вы понимаете, что я не могу...

Белосельский прервал старика:

– Послушайте, Вам все равно нужен инвестор. Пусть это буду я. Я навел справки о Вашем фонде. Мой банк обеспечит финансирование. Это на начальном этапе. Меньше чем через год я открою свой собственный фонд, но мне важен именно Ваш опыт.

– Почему именно мой фонд?

– Потому что мне нужны именно Вы, – улыбнулся Белосельский. – Я как бизнесмен имею возможность выбирать, и выбираю Вас. К тому же мое партнерство не стеснит Вас.

– Может, Вам нужен мой офис? Но знаете, это здание принадлежит...

– Я знаю, каким людям принадлежит это здание, – прервал его Белосельский. – Увы, в ближайшие годы произойдут такие события, я имею в виду переделы собственности, рейдерские захваты... В общем, я не собираюсь претендовать на Ваш офис. Мое партнерство не стеснит Вас, не беспокойтесь. Но Вы можете мне помочь...

– Чем?

– У Вас опыт, и мне он очень важен. Я оставлю Вам бизнес-план.

– В плане инвестирования?

– Вы интересуетесь суммой, не так ли? Я скажу Вам, я выделяю около миллиона долларов.

Старик изумился.

– Не удивляйтесь, это только для начала. Это небольшая сумма для меня... Но, разумеется, меня будет интересовать, как эти деньги будут использованы...

– О! Я буду всегда готов дать Вам отчет в использовании средств.

Белосельский прервал старика:

– Для меня будет важно самому проверить, как будут использованы мои средства. Это не будет проявляться в моем недоверии к Вам, наоборот, я просто хочу сделать некоторые вещи сам... Для начала нужно улучшить положение некоторых людей в городе. После кризиса прошлого года, когда обвалился курс доллара, стало еще больше бездомных и нуждающихся. Так что я предлагаю открыть целую сеть благотворительных заведений, чтобы помочь людям. Вы мне поможете с организацией... Вы и Ваши волонтеры... будет много работы.

– Все это верно...

Старик молчал и с сомнением глядел на этого человека. Ему по-прежнему мерещились ловушки и обман.

– Какого рода партнерство Вы хотите предложить?

Белосельский устремил на старика проницательный взгляд.

– Не бойтесь, я не претендую на то, что Вы подумали. Впрочем, когда мы будем работать вместе, Вы измените свое мнение обо мне... Я не захватчик, не рейдер. Не беспокойтесь... Завтра мой банк переведет на счет Вашей организации первый транш суммы – двести пятьдесят тысяч. Но это только начало... первые шаги... Поверьте, нам еще столько предстоит сделать, что все, что мы предпримем завтра, – лишь капля в море. Пройдет не менее пятнадцати или даже двадцати лет, прежде чем наш город примет облик той столицы, где будет место одновременно всем: и богатым, и нуждающимся. А пока принимайтесь за работу. Мне нужны результаты. Вы согласны?

– Если все обстоит так, как Вы говорите, то да. Но позвольте личный вопрос...

– Конечно.

– Даже если он покажется нескромным?

Белосельский улыбнулся, как умел улыбаться лишь только он.

– Я отвечу на Ваш вопрос прежде, чем Вы мне его зададите. Я вижу, что творится у Вас в душе. Вы хотите меня спросить, зачем все это мне, человеку, который должен вести беспечный и праздный образ жизни? Зачем мне думать о тех вещах, которые занимают лишь людей на закате жизни? Все просто, иногда происходят события, которые меняют людей... Впрочем, Вам это не нужно знать. В конце концов, главное – мой бизнес и мои инвестиции. И я буду ждать полной отдачи.

Господин К*** покачал головой.

– Как я уже сказал, мне нужны конкретные действия. Не удивляйтесь, что время от времени я буду вникать в детали, сам лично приезжать и проверять как Вы справляетесь... Кстати, сколько волонтеров Вы могли бы мобилизовать на первое время?

– Если придет та сумма, о которой Вы говорите, то не менее тысячи, в одной только Москве...

– А в других городах?

– Наш фонд имеет отделения еще в десяти городах.

– Надо с чего-то начинать, вторую часть суммы Вы можете получить непосредственно после некоторых результатов. В общем, жду от Вас конкретных шагов; организуйте все так, чтобы уменьшилось количество нищих и бедствующих. Если будет идти речь об аренде зданий, нужны будут дополнительные средства – уведомите меня.

– В таких делах, Вы же знаете, я имею дело с чиновниками администрации.

– Это верно, я понимаю, поэтому я и говорю, что если понадобится дополнительное финансирование. А пока не выходите из лимита. На сегодняшний день я все еще лишен некоторой полноты действий... Рим не сразу строился.

– Справедливо.

– Итак, можно считать наше партнерство свершившимся фактом?

– Да.

– Вашу руку.

И К*** вновь ощутил ту необычайную энергию и небывалый энтузиазм в молодом человеке, который так поразил его в самом начале.

Глава 5. Муж сестры

Подмосковный двухэтажный коттедж был окружен внушительной каменной стеной; парадные ворота предусмотрительно забраны прочной чугунной решеткой. В довершение всего на страже стояла пара «Аргусов», одетых во все черное.

Однако это не смутило Белосельского. Он почти выпрыгнул из черного лимузина, несмотря на все возражения Виталия, и, не обращая внимания на предупредительные крики бдительной охраны коттеджа, вплотную приблизился ко входу.

– Это частная собственность! Просим Вас удалиться!

– Это дом моей сестры. Я ее брат, и вам лучше пропустить меня.

Видя, с каким упорством они имеют дело, «Аргусы» пытались напасть на молодого человека, но через секунду уже оба лежали на земле. Они не ожидали такой силы от хрупкого, на первый взгляд, молодого человека.

– Неплохо, – заметил Виталий, – но как мы попадем в дом?

– Ты же говорил, что твой лимузин выдержит любую стену.

– Подождите, Вы и в самом деле хотите...

Белосельский надавил изо всех сил на педаль и на полной скорости снес ворота в одну секунду. Машина была искорежена, но Алексей не получил ни царапины.

Во дворе дома он увидел Марину и ее мужа с ружьем в руках. Девушка закричала, Белосельский поднял руку и Виталий прицелился и выстрелил. Ружье выпало из рук мужчины. Он был безоружен и только слегка ранен. Это был высокий мускулистый детина лет сорока. Он с рёвом быка бросился к Белосельскому. Но его попытка не увенчалась успехом, ибо он тут же был повергнут на землю подобно Антею.

– Алексей, не надо, прошу тебя.

Белосельский хорошенько встряхнул детину и приподнял его одной рукой в воздух как куклу.

– Алексей, прошу тебя!

Молодой человек отпустил его, дав возможность слегка отдышаться.

– Слушай и не говори, что я не предупреждал. Ты немедленно оставишь мою сестру в покое, дашь ей развод. Этот дом также придется вернуть. И всякие грязные домогательства прекратишь, это понятно?

Детина пробурчал что-то невнятное.

Белосельский заставил мерзавца заучить «урок» заново.

– Теперь ясно?

– Да.

– Очень хорошо... Виталий отвезет тебя на твою квартиру. И не вздумай больше приближаться к Марине, иначе в следующий раз я не буду таким снисходительным...

– Твоего брата выпустили под залог... Ты не сможешь доказать, что Дмитрий совершил подлог, – пробурчал детина.

– Не нужно мне ничего доказывать. Если его не накажет наше правосудие, я знаю другое правосудие, которое будет к нему весьма пристрастно... пока подумай о себе.

– Ты проиграешь...

– Нет. Итак, помни, что я сказал тебе! Тебя должно волновать лишь это... Виталий, отвези этого человека на квартиру. Здесь он больше не появится. И проследи, чтобы этот подонок больше ничего не предпринимал. Кстати, для охраны коттеджа выдели еще четверых. Вечером возвращайся.

Затем он подошел к Марине. Она была задумчива, в слезах.

– Если бы я знала, что он так изменится... ведь когда-то он говорил, что любит меня...
впрочем...

– Тебе нужно его забыть. Кстати, я считаю, что тебе небезопасно оставаться здесь. В городе ты будешь в большей безопасности. Я, между прочим, купил тебе хорошую квартиру. Поверь, ты будешь довольна. Все наладится, поверь... Ты сможешь жить там со своим сыном.

Губы Марины тронула грустная улыбка.

– Я тебе благодарна... Но, может, я допускаю ошибку? Быть одной...

– Ты еще очень молода. Посмотри, что он сделал с твоим домом... взгляни на эти постройки... он же строил каменную стену, чтобы разделить имущество... Не расстраивайся, все это в прошлом. Обещаю, что больше тебя никто не обидит.

– Алексей, ты не понимаешь...

– Наоборот, Марина, сейчас в тебе говорит лишь гордость. В любом случае тебе нужно сменить обстановку. Этот коттедж лучше продай, впрочем, поступай, как подсказывает тебе сердце...

– Алексей, я не знаю, почему ты это делаешь для меня... ведь в прошлом... до аварии... ты был совсем другим. Ты ведь относился ко мне как к чужой... а если опять...

– Нет, я не переменюсь, не волнуйся. Как ты понимаешь, вернее, видишь – я изменился.

– Люди не меняются за один день...

– Да, но со мной произошло нечто другое...

– Что же?

Белосельский не ответил.

– Давай не будем обо мне. Ты единственный родной мне человек. Я все сделаю для твоего блага. О деньгах можешь не беспокоиться. Я открыл счет на твое имя в надежном банке, также распорядился перевести на тебя часть недвижимости.

– Алексей...

– Не говори... это моя обязанность, мой долг.

– Так странно слышать от тебя такие слова... «обязанность», «долг», можно подумать, что...

– Я хочу поскорее покончить со всеми моими делами, перед тем как я уеду.

– Уедешь? Куда?

– Тебе одной я могу сказать. Называй это безумием, сумасшествием, наваждением... Но я чувствую в себе какой-то жар, неумолимое желание сделать то, что я задумал. Это не прихоть, не каприз, а полноценное осознание моего предназначения... Я уезжаю с одной благотворительной миссией в Б***.

– В эту страну?! Алексей... Алексей, ты с ума сошел? Зачем? Там же идет война!

– Именно поэтому я обязан там быть...

– Это безумие.

– Скажу правду: я не знаю зачем, но я чувствую, что должен там быть.

– Ты и впрямь сумасшедший!

Белосельский улыбнулся.

– Даже больше, чем раньше?

– Да.

– Я всегда мечтал путешествовать, конечно, не в такие опасные места, но я уверен, что со мной ничего не случится.

– Откуда такая уверенность?

Он промолчал.

– Ладно, мне пора ехать, Виталий ждет меня.

Он обнял сестру и с невыразимым чувством прижал к груди.

– Ненавижу прощания... ведь мы не скоро увидимся.

– Боюсь, что да... Впрочем, ты знаешь мой телефон, если тебе что-то понадобится, я смогу тебе помочь, даже находясь в другой стране.

– Тогда уезжай... и помни, что есть сестра, которая тебя любит!

Глава 6. Полковник в отставке

Грузный человек лет шестидесяти с помятым морщинистым лицом неспешно прогуливался по дорожке, выложенной булыжником и ведущей к добротному белоснежному особняку с внушительным белым портиком и резными колоннами. Увидев идущего навстречу гостя, старик слегка удивился, но затем морщины на его лице несколько разгладились, но тем не менее взгляд не утратил свою колючесть.

– Я не понял, почему ты настаивал на встрече со мной, теперь молодое поколение не то, что прежде. Молодые не ценят, не уважают старших. Что поделать, предрассудки прошлого...

– Вы правы, но я не такой.

Старик смерил гостя недоверчивым взглядом.

– Я очень уважал твоего деда, моего друга, но ты, Алексей... вряд ли заслуживаешь этого священного слова «уважение». Ты думаешь, я не знаю?

Белосельский хотел ответить, но старик прервал его.

– Ты думаешь, я не знаю, что с тобой произошло? Вместо того чтобы учиться, ты забросил университет! Вместо того чтобы встать во главе бизнеса, доверенного тебе дедом, ты участвуешь в автомобильных гонках! Потом попадаешь в больницу! Ты думаешь, это все игра и забавы?

– Так было в прошлом! Но теперь я изменился!

– Так быстро? Всего за несколько месяцев... Так не бывает!

– За исключением того случая, когда с человеком происходит нечто удивительное и необыкновенное... Но не будем об этом. Если Вы слышали о том, что произошло, то не можете не знать о том, чем я решил заняться.

– Конечно, я в курсе, – возразил старик, – ты поссорился со всеми друзьями и заявил, что хочешь стать правозащитником.

– Никогда не сомневался в Вашем всеведении.

– Ты сам-то понимаешь, что это такое? Ты понимаешь, что происходит в нашей стране? Ты можешь осмыслить это, когда ты прилично не сдал ни одного экзамена в институте?

Старик стал расплываться все больше и больше. Теперь он казался профессором, читающим лекцию с кафедры для «незрелых юнцов».

Белосельский спокойно выслушал обличительную речь. В конце молодой человек сказал:

– Все, что Вы говорите – верно. Я был таким – безответственным, ветреным, ненадежным, не способным вести ни одно серьезное дело. Но в моих поступках было больше наивности, чем злого умысла... не было должной серьезности и ответственности. Но сейчас я как раз собираюсь вплотную заняться бизнесом, построением моего будущего... которое важно мне... из-за моей миссии, которой я буду следовать!

– Какая еще миссия?

Белосельский не ответил.

– Оставим мою миссию в стороне... вернемся к делам. Я изучил банковский рынок и пришел к выводу, что он ненадежен. Пакет акций, который оставил мне дедушка, дает мне возможность на правах акционера получать неплохую прибыль, но... скажем так, после зрелого размышления я пришел к выводу, что это мнимое благосостояние не долговечно... Мне нужна поддержка влиятельных людей, поэтому я и пришел к Вам.

На лице старика отразилось удивление.

– Да, да, я сейчас назову Вам фамилию... точнее, одного человека, который мне нужен. Хочу, чтобы Вы организовали мне с ним встречу. Я введу его в состав директоров банка.

– Зачем это?

– Потому что в будущем, – пророчески произнес Белосельский, – он станет членом Правительства, и мне нужна его поддержка.

– Кто этот человек?

Белосельский назвал имя.

Старик рассмеялся.

– Да ты что, это мелкий депутатишко.

– Я знаю, кем он станет. Сделайте, как я прошу. Через десять лет он будет таким влиятельным, что будет оказывать давление на нефтяные компании, которые будут получать миллиарды.

– Откуда такая уверенность?

– Вам одному я могу сказать правду. В сущности, никто кроме Вас в это все равно не поверит. С момента аварии я, как это сказать, вижу вещи в несколько ином свете, мне кажется, что я чувствую приближение некоторых событий и могу их предвидеть...

– Скорее всего, после аварии ты повредил голову, – проворчал старик. – Хорошо, я помогу тебе встретиться с этим депутатом... но имей в виду – он очень скользкая личность и связан с настоящими мерзавцами.

– На данном этапе я не так силен, как буду лет через десять. У меня нет особого влияния, и владение банком не вселяет в меня достаточной уверенности. Банк могут и отобрать, поэтому мне нужны влиятельные люди... Кстати, я Вас хотел поблагодарить за Виталия.

– Он как верный пес, – усмехнулся старик, – к тому же надежный... Пока ты не перейдешь дорогу серьезным людям, тебя не оставят в покое... Ты послушай, какие витают настроения в воздухе – одни говорят «рыночная экономика», а что это? Они и сами не представляют. Старое здание идей и предрассудков давно погребено и разрушено как мавзолей. Они сместили с пьедесталов старых идолов, но воздвигли новые...

– Я знаю, поэтому мне нужна Ваша помощь и дружба тех, кто будет у власти, потому что то, чем я буду заниматься, будет вызывать всеобщее раздражение и недовольство.

– Значит, хочешь всерьез защищать права людей? Как адвокат? С чего вдруг проснулась такая забота?

– Нет, у меня врожденное предубеждение к адвокатам, основанное на внутреннем чутье... Я собираюсь не только защищать права людей. Я разверну широкую благотворительную деятельность по всей стране. У меня много проектов, но это все в зародыше. На реализацию всего того, что я задумал, нужны миллиарды, которыми я пока не обладаю... но буду обладать.

– Хочешь стать «филантропом всея Руси»? Смотри не прогадай. На Руси всегда были филантропы, в былые времена их называли миллионщиками, но всегда ненавидели, несмотря на все их благие деяния. Сегодня не принято, чтобы человек, обладающий твоими достоинствами и богатством, занимался подобными вещами... героев наша страна не особо жалуется... скорее, восхищается ими, когда их уже нет в живых.

– Так я и есть другой человек, Алексей Белосельский разбился в аварии. Я – не он. Я изменился. И судить меня станут только по моим будущим поступкам.

– Все, ты ненормальный, но в твоих словах я вижу логику. Ты твердо стоишь на своем?

– Совершенно твердо.

Старик устремил свой тяжелый взгляд на почти бесстрастное, но полное благородной решимости лицо молодого человека.

– Я сделаю, как ты просишь!

Глава 7. В университете

В течение получаса профессор в потертом старомодном пиджачке вещал с кафедры студентам про социалистов-утопистов, затем отметил достоинства Томаса Мора, отказавшегося признавать Генриха VIII главой англиканской церкви, а после изящного спича перешел на сочинение под название «Похвала глупости» Эразма Роттердамского.

Белосельский присутствовал на лекции, и вопреки обыкновению достаточно внимательно слушал преподавателя, над которым всегда посмеивался и старался задеть. Внезапно профессор устремил на молодого человека взгляд, полный укоризны, и произнес:

– Что касается некоторых студентов, то я не уверен, что смогу их допустить до экзамена по причине их многочисленных пропусков.

Несколькими месяцами ранее Белосельский бы отделался шуточками, но теперь он встал и возразил:

– Даже если на это есть веская причина?

– Никакие причины не могут служить оправданием Вашего поведения.

– Вы ведь сейчас имеете в виду не мои пропуски, а мое поведение.

Профессор промолчал.

– Нет, давайте это обсудим. Я действительно пропустил лекции... Но ведь Томас Мор также пропустил некоторые заседания королевского совета по причине того, что сидел в тюрьме, я же был в больнице.

– Это понятно, но тот объем, который нужно подготовить к экзамену...

– Я даже буду готов сдать Вам несколько раньше, так как мне, по всей вероятности, придется уехать и оставить учебу.

– Разумеется, – съязвил профессор, – кому сейчас интересна философия... Ведь Вам, банкирам, куда милее бухгалтерский учет.

– Нет, Вы глубоко заблуждаетесь, – отвечал Белосельский, – Ваш предмет очень важен. Тем более что пример Томаса Мора, который остался верен своим убеждениям, является уникальным примером человека, пострадавшего за свои убеждения... Может быть, когда-нибудь Вы услышите обо мне, который также остался верен...

– Вы сравниваете себя с великими стойками?

В голосе преподавателя явно ощущалась насмешка.

В зале раздался хохот. Студенты стали «чирикать» как стая птиц.

– Видите ли, молодой человек, – продолжал профессор, слегка почесывая седеющую бородку, – недостаточно владеть только лишь банком или предприятием. Важно еще правильно использовать средства...

– Кто Вам сказал, что я их буду неправильно использовать? – горячо возразил Белосельский. – Может, я тоже принадлежу к плеяде избранных, имена которых будут написаны золотыми буквами? Откуда Вы можете знать все это? Вы судите лишь с поверхностной точки зрения.

Профессор замолчал.

– Не спорь с ним, – шепнул на ухо Алексею Артем, единственный его приятель, к которому наш герой чувствовал симпатию.

В это время ученый спор был прерван, так как явился рыжеватый человек, похожий на взъерошенного попугая, и визгливым тоном заявил, что декан желает видеть Алексея Белосельского.

Декан – грузный мужчина лет сорока, без признака каких-либо волос на голове и затылке, поднял свои водянистые глаза, в которых наряду со строгостью была некая примесь раболепия.

– Я Вас позвал, чтобы решить вопрос о...

– Я знаю, что Вы хотите сказать, – прервал декана Алексей, – экзамены я, скорее всего, сдать не смогу, так как я уезжаю...

Лицо декана приобрело беловатый оттенок.

– Как уезжаете? А как же плата за...

– Не волнуйтесь, – несколько высокомерно отвечал Алексей, – Вы получите двойную сумму. Я позабочусь об этом. Вопрос с оплатой будет решен сегодня же. Не беспокойтесь, единственное, я хотел бы сдать экзамены раньше, чтобы получить диплом.

Декан был явно озадачен и не сразу нашелся что ответить.

– А как же правила?

– Для меня Вы сделаете исключение... Я думаю, что для Вас это не составит особого труда.

Декан внимательно посмотрел на своего студента и затем, словно замороженный его властным взором, утвердительно закивал головой.

Белосельский вышел от декана довольный одержанной победой. У выхода из института, прислонившись к белой колонне портика, курили студентки. Елена была среди них. Ему показалось, что она ждала именно его. Есть девушки, поведение которых манит и завораживает. Они не просто красивы, они притягивают как магнит. Причем их жесты, шаловливая улыбка всегда располагают к флирту. Но всегда понимаешь – к кому именно обращены все улыбки и подмигивания. Елена глядела на него с таким выражением, какого не понять невозможно. Он остановился слегка поодаль от нее, несколько секунд вдыхал холодный осенний воздух, потом попрощался со своим другом Артемом и поманил девушку пальцем. Елена отделилась от группы подруг.

– Поедем, – предложил молодой человек, – Виталий отвезет нас. Я тебе кое-что хочу показать. Ты удивишься... А потом пойдем в ресторан?

И почти не дожидаясь ее согласия, он дал знак своему «церберу» подогнать автомобиль ко входу.

Они приехали на Б*** бульвар. В ту пору центральные улицы Москвы еще не были замощены скользкой и неудобной плиткой; здесь властвовал лишь гранитный камень и асфальт; высившиеся здания «глядели» несколько угрюмо, напоминая мрачные бесчувственные изваяния из мрамора, подобно египетским пирамидам.

– Зачем ты меня сюда привез? – в голосе Елены звучало нетерпение и легкий оттенок недовольства.

– Посмотри, – горделиво произнес Белосельский, – в этом здании мой офис. Это крупная благотворительная организация. Она теперь моя полностью. Скоро все здание будет мое.

– Я рада, – сухо отвечала Елена, – надеюсь, в этом здании есть приличный ресторан...

– Я не только это тебе хотел показать... Кстати, сегодня на лекции по философии говорилось о филантропии, я хочу показать, сколько я сделал для всех нуждающихся.

– Мне это совершенно неинтересно...

В это время к Виталию, который сторожил роскошный по тем временам «Ауди», подошли несколько подозрительных людей в засаленных плащах и грубых резиновых сапогах. Белосельский не обратил на них никакого внимания, так как был занят спором с любимой девушкой.

– Ты меня не понимаешь, – говорил молодой человек, – скоро не одно здание, а очень много зданий будут принадлежать мне... я выкуплю...

– Меня твой бизнес не волнует.

– Но я думал... раз мы поженимся...

– Меня больше беспокоит твое отношение ко мне... Я вижу уже, что твой бизнес для тебя важнее меня.

Белосельский хотел возразить, но его отвлек Виталий.

– В чем дело? Кто эти люди?

– Шеф, они хотят с Вами поговорить, но лучше...

– Да, подойдите.

Двое приблизились. Это были мужчины с грубыми лицами. Один из них бойко выкрикнул угрозу на том жаргоне, по которому его сразу можно причислить к самому низшему классу общества. Второй, приземистый, достал сигарету и, пренебрежительно оттопырив пальцы, более внятно произнес:

– Мы от Сеньки Лысого. Он сказал, что ты арендовал это здание и открыл здесь столовые для бездомных.

– Да, это сделал я...

– В общем, так... – продолжал наглец. – Мы из местного профсоюза. Сенька сказал, что это его территория и нужно платить.

– Значит, ваш начальник Сенька Лысый?

– Верно говоришь, ему принадлежит этот район, а ты здесь чужак и порядки тут наводишь.

– Так вот что я отвечу, – твердо произнес Белосельский, – сегодня я заплачу... Я отдам вам столько, сколько вы скажете. И здание, и людей, которые работают в моем офисе, вы не тронете... за это я вам буду, разумеется, платить... Вашему Сеньке Лысому... Но очень скоро вы все понесете наказание, ибо никому не позволено наживаться на горе людей.

Последние слова Белосельского вызвали в мужчине всплеск ярости, и он почти вплотную приблизился к молодому человеку с явной угрозой, так что Виталий схватился за пистолет. Но Белосельский быстрее молнии схватил наглеца за грудки, приподнял в воздух как пыльный мешок и хорошенько его встряхнул.

– Я повторяю еще раз. Я действительно открыл эти пункты питания для всех нуждающихся на вашей территории, как вы говорите. Вы не будете больше собирать дань с нищих и обездоленных, этого я не позволю... если вам нужны деньги, вы их получите от меня... сегодня...

– Ладно, ладно, успокойся.

Белосельский выпустил рэкетира и тот едва перевел дух...

– Черт, – выругался рэкетир, – откуда в тебе такая сила?

– Шеф, они разогнали вчера волонтеров, – подсказал Виталий, положив руку на рукоятку черного револьвера.

– Да, и еще мое условие: тех ребят, волонтеров, которые раздают пищу – не трогать! Это понятно?

– Это пускай решит Сенька!

– Отлично, передайте ему это!

«Профсоюзные лидеры», получив из рук Виталия в машине пачку банкнот, ушли довольные и хитро посмеивались.

– Это серьезные люди, – произнес помрачневший телохранитель, – у них связи в прокуратуре и милиции. Их так просто не прижмешь. Они связаны с весьма влиятельными лицами, имена которых слишком известны.

– Да, я знаю, – отвечал Белосельский, – сегодня я вынужден согласиться на условия этих вымогателей. Но те семена, которые я посеял сегодня, скоро дадут всходы. Мне нужен мой фонд и то, что я делаю. Я знаю, что на этом эти мерзавцы не останутся. Пока я еще слаб, чтобы бросить им вызов. Но очень скоро у меня будет такая власть, что я поставлю на колени не только таких, как Сенька, но и более могущественных мерзавцев!

– Каким же образом?

– Ты все скоро узнаешь, а пока что нужно заручиться поддержкой влиятельных людей. Ты все узнаешь, но не сразу...

– Хорошо Вы его встряхнули! – не унимался Виталий. – Я уж думал, Вы его задушите. Я и не подозревал, что в Вас такая сила.

– Пустяки, – прервал его Белосельский, – видишь ли, после той катастрофы я обрел некоторые способности, о существовании которых я сам и не подозревал. Ты еще многого обо мне не знаешь...

– Но это все равно очень опасные люди, и так просто их не запугаешь, они могут...

– Они бессильные против меня, поверь.

– Такими трюками их не запугаешь, все равно им придется платить – и немало. А средства не беспредельны. Надеюсь, Вы знаете, что делаете, шеф.

– Вижу, Елена ушла, – воскликнул Белосельский, меняя тему разговора, – что ж, жаль... подожди меня здесь...

Он миновал арку, ведущую в один из мрачноватых дворов, который всем своим видом свидетельствовал об упадке и запустении. Здесь, на площади около ста квадратных футов, кипела настоящая работа. Несколько волонтеров во главе с рослой матроной раздавали пищу всем тем, кто в ней нуждался. Толпа обездоленных выглядела поистине удручающей: казалось, это были бродяги со всех концов города; их лица, красные как кирпич, хранили отпечаток горя и лишений. Белосельский видел десятки блуждающих глаз, лес протянутых рук, с жадностью поедающих хлеб и перловую кашу... Увидев молодого человека, рослая матрона (повидимому, служительница Красного Креста) передала свой пост одному из волонтеров, подошла к Белосельскому и воскликнула с металлической интонацией:

– Нам здесь долго не продержаться... Вчера и сегодня захаживали бритоголовые ребята.

– Да, я знаю, – отвечал Алексей, – я с ними договорился... какое-то время они вас не тронут... Но все равно вам нужно другое место. Вы сможете это организовать без меня? Что касается финансирования...

Он вынул из кармана свою визитную карточку и написал что-то на ней.

– Держите, придете в мой банк и там Вам откроют счет.

Рослая матрона внимательно посмотрела на Белосельского.

– Я благодарна Вам...

– Счет будет открыт на Ваше имя, я уверен, что средствами Вы распорядитесь во благо... пока что я мало кому могу доверять, но Вам я верю.

– Могу я спросить? Почему Вы это делаете? В Вашем возрасте? Это нетипично, тем более в наше нелегкое время.

Белосельский улыбнулся и ничего не ответил.

– Сделайте все как нужно. Если Вам что-то понадобится, звоните мне, не стесняйтесь.

Глава 8. Отец невесты

Отец Елены, человек лет пятидесяти, благообразный, с седеющей бородкой, но живыми и умными глазами, в безукоризненном костюме, направился лично навстречу гостю. Он, казалось, сделал над собой усилие и даже позволил себе улыбаться молодому человеку. Белосельский, в свою очередь, войдя, окинул взором старомодный офис, сохранивший отблеск ушедшей эпохи – выцветшие пожелтевшие мебель и диваны, нелепо висящие шторы и фотографии вождей на стенах.

– Я так понимаю, что Вы пришли меня уведомить о Вашем решении. Точнее, доказать, что Вы будете хорошим мужем для моей дочери.

Белосельский ощутил в голосе оттенок снисхождения и скрытого недовольства.

– Отнюдь, я пришел совершенно по другому поводу... Впрочем, если Вам нужны гарантии насчет моего финансового положения, то они более чем прочные, и, как бы сказали французы, *credible*. В будущем я намереваюсь заработать миллиарды долларов. Кстати, в качестве свадебного подарка я преподнесу Елене красивый особняк.

Старик одобрительно хмыкнул, что обозначало, что он целиком разделяет суждение своего будущего зятя.

– Тогда как мой собственный дом больше не нужен, я даже намерен из него сделать приют.

Старик даже не успел удивиться.

– Я слышал также, что Вы учредили благотворительный фонд. Это очень хороший способ избежать налогов.

Белосельский слегка нахмурился.

– Дело не в налогах, а в моей миссии... Я еще стану учредителем большого числа таких фондов. Все это больше относится к будущему, нежели к настоящему. Но я не поэтому пришел.

– Зачем же тогда?

– Я хотел Вас заверить, что у Елены никогда не будет денежных затруднений. Как я сказал, за это Вы можете не беспокоиться. Я создам трастовый фонд, который будет приносить ежемесячно солидную прибыль.

– Вы ведь владеете банком?

– Да, я являюсь конечным бенефициаром банка «Люциус», впрочем, скоро я его продам и займусь нефтяным бизнесом. Я, кстати, пришел к Вам поговорить о делах... о Ваших делах.

– О моих?

– Я так понимаю, что, раз Вы мой будущий тесть, мне необходимо Вас предупредить о... некоторых затруднениях, которые больше имеют отношение к Вашему собственному бизнесу... ведь Вы занимаетесь строительством, не так ли?

– Да, моя фирма...

– Так вот, я Вам советую выйти из бизнеса...

– Что?

– Видите ли... мне просто стали известны некоторые вещи... На Вашу фирму готовится, скажем так, рейдерское нападение.

– Кто Вам сказал?

– Это неважно, – отвечал Белосельский, – я просто знаю, что все именно так и произойдет.

– Я так понимаю, что это угроза мне?

– Наоборот, это дружеский жест с моей стороны. Если Вы продадите свою долю в фирме, то сможете хотя бы выручить капитал, который позволит...

– Хватит, мне понятна цель Вашего визита... я и не знал, что...

– Я делаю это только из моих чувств к Елене, а не из симпатии к Вам. Хотите, я введу Вас в члены правления моего банка? Вам это ничего не будет стоить. Не хотите? Я так и думал.

– Я думаю, что Вы и Ваши сторонники намерены заняться рейдерством!

– Нет у меня никаких сторонников. Что касается моей миссии, то я более одинок, чем Вы думаете. Нет, я пришел к Вам чисто по-дружески, я не хотел, чтобы Вы обанкротились. Вот и все. До конца года Ваша фирма будет полностью захвачена другими людьми.

– Это нелепо! С чего Вы взяли?

– Я просто пытался Вам помочь из-за того, что Вы отец Елены, но не более! Но я не позволю оскорблять себя. Вы отказываетесь прислушаться ко мне! Что ж, жаль. Когда обанкротитесь, в мой банк, пожалуйста, не обращайтесь. Кредитов я Вам не дам!

Старик замолчал.

– Какое Вам дело, в конце концов, до моего бизнеса? Мне интересно, как Вы будете жить с моей дочерью? Я вижу, что Вы целиком подчинили ее своему влиянию... она даже не закончила институт!

– Она закончит его, получит диплом. Ее ждет прекрасное будущее.

– По-моему, мир Вам рисуется в радужном свете.

– Отнюдь, успех мне не во всем будет сопутствовать... но, неважно... кстати, я уезжаю скоро.

– Накануне свадьбы?

– Как Вы точно выразились, это наше с Еленой решение. Свадьба состоится в любом случае. Но я должен ехать в Б***.

– Зачем? Не понимаю Вас.

– Есть вещи, которые от меня не зависят.

Старик пристально посмотрел на своего будущего зятя.

– Я могу Вам задать личный вопрос?

– Разумеется.

– Как бы это сказать помягче, после той аварии... в которой Вы...

– Это изменило меня полностью – внутренне. Вы это хотели услышать? Да, я не отрицаю! Но это слишком личный вопрос, как Вы заметили. Но зато я приобрел некоторые ценные качества, которые мне понадобятся.

– Какие же?

– Предвидение, к примеру. Я же говорю, подумайте над тем, что я сказал. Советую Вам для Вашего же блага. Прощайте.

После ухода Белосельского старик пребывал в некоторой задумчивости. Затем, сопоставляя в уме все, что он слышал в последнее время о молодом человеке и на основе собственных умозаключений, произнес:

– Он сумасшедший. Большой на голову! Елена должна отменить свадьбу! Отдаст дом для приюта! Фантастический рейдерский захват! Что за бредовые идеи!

И он стал торопливо звонить дочери.

Глава 9. Земля Черных дроздов

В***... 1999 год... Там, где река Черный Дрин сливается со своим белым братом, почти у подножья Северо-албанских Альп раскинулся маленький симпатичный городок, миниатюрный, точно построенный подземными сказочными жителями. К нему вела всего одна дорога, утомительная, полная крутых подъемов и не менее трудных спусков. Город печально вырисовывался на фоне сапфирового неба и жемчужных облачков. Воздух был насыщен жженой древесиной. Всю эту картину увидела маленькая процессия, которая приближалась к городу на трех машинах, в одной из которых находились люди, а две другие перевозили гуманитарный груз.

– Да, шеф, – произнес мужчина в камуфляжной зеленой форме, – ну и заехали мы... Вы уверены, что следовало остановиться именно здесь?

– Да, здесь находится миссия Красного Креста.

– А военные?

– У нас есть все необходимые разрешения.

Белосельский достал сигару.

– В Москве Вы не курили... последую Вашему примеру.

– То было в Москве... Сейчас нам позволено многое другое.

– Что же, например?

Белосельский не ответил.

Виталий тем временем стал пускать кольцообразные клубы дыма.

– Идет война. Одно это допускает совершенно жуткие вещи и последствия.

– Да уж, самое подходящее время для путешествия!

Белосельский пропустил эту шутку мимо ушей.

– Вон, видишь там – первый контрольно-пропускной пункт.

– Вооруженных людей я не вижу.

– Зато я вижу. Как я сказал, все документы у нас в порядке.

Через пять минут все разрешилось благополучно. Солдаты хоть и встретили «эскорт» несколько враждебно и даже уперлись дулами пулеметов в наших героев, но, увидев, какого рода груз к ним прибыл, сменили гнев на милость. После тщательной проверки всех необходимых бумаг Алексею и его спутнику было позволено найти гостиницу и посетить миссию Красного Креста. Белосельский искал некую Агнешку, к которой у него было письмо из Москвы. Но Виталий был голоден и мечтал о сытном обеде. У Алексея не было аппетита, ему хотелось поскорее выполнить поручение, но пришлось подчиниться обстоятельствам. Гостиница оказалась обычным хостелом с большими невзрачными общими комнатами, рассчитанными на человек пять-шесть. Белосельский даже глазом не моргнул, несмотря на эти неудобства, Виталий же забеспокоился о сохранности багажа.

После ужина они оба направились в миссию Красного Креста.

Есть города и деревни, которые иногда навевают тяжелую давящую грусть... как будто сам ветер разносит предвестие беды и несчастья, и все пронизано ожиданием этой боли... И это чувство ощущалось во всем – во взглядах прохожих, в настороженных лицах солдат, в покосившихся крышах белоснежных домов... Сама атмосфера города – гнетущая и удручающая – висела как Дамоклов меч, как неумолимый свинцовый купол. Война! Страшное слово для тех, кто знает, что это такое!

– Это солдаты М***.

– Да, я знаю. Солдаты НАТО должны прекратить все это, но пока они медлят. Видно, такой приказ им отдан. Они обязаны подчиняться командованию.

– Да, я сам служил. Приказ есть приказ, с этим ничего не поделаешь, – подтвердил Виталий.

И он пустился в пространное повествование о своей армейской жизни, обо всех ее прелестях и тяготах.

Миссия Красного Креста помещалась в грязном желтоватом покосившемся строении, которое, казалось, только каким-то чудом уцелело от разрушения. Агнешка оказалась женщиной лет сорока пяти, худая, с седеющими каштановыми волосами; она с трогательной серьезностью прочитала письмо из Москвы. Алексей заметил, что она несколько раз поднесла платок к глазам.

– Нам нужно найти одну семью, я знаю, где они сейчас находятся. Они беженцы и хотят уехать.

– Почему именно они?

– Гуманитарной помощи все равно на всех не хватает. Вы посмотрите, что вокруг делается... это сегодня тихо, но вчера стреляли весь день.

– Да, мы слышали, но это там, за горами, – возразил Виталий.

– Это мы, взрослые, понимаем... но дети все равно пугаются.

– Солдаты, насколько я вижу, не относятся враждебно к местному населению.

Агнешка промолчала. Казалось, она воспринимала действительность несколько по-особому, с какой-то особой покорностью фаталиста.

– Вы пойдете со мной?

– Да, – отвечал Белосельский.

Виталий пожал плечами. Казалось, убогость обстановки и ожидание неминуемого обстрела города действовали на него угнетающе.

Дом находился неподалеку. Это было одноэтажное каменное строение с черепичной крышей, казавшееся миниатюрным на фоне других белых домов. Члены семьи – средних лет люди в несколько нелепых халатах и почти не говорящие по-английски – встретили Агнешку довольно радушно. С Алексеем и Виталием они поздоровались довольно сдержанно и проводили их в гостиную – бедно обставленную комнату с потухшим камином и выцветшей мебелью. Говорили по-сербски, причем некоторые слова почти походили на русский язык, но Виталий лишь морщился. Белосельский произнес несколько выражений по-английски и по-французски, но затем убедился, что лучше предоставить Агнешке роль переводчика, которая в должной мере владела сербским языком.

Немного погодя хозяева предложили гостям легкую закуску. Перед Виталием выросло несколько странных блюд в глиняных горшочках, в которых был замешен йогурт, огурец и чеснок.

– Это называется таратор – традиционный салат, – пояснила Агнешка.

Виталий, привыкший к походной жизни еще в армии, не слишком избалованный прелестями изысканной кухни и никогда не терявший аппетита в любой ситуации, с жадностью набросился на еду. Белосельский старался выспросить у семьи их истинное положение и узнать, чего они хотят.

– Они желают уехать... – Агнешка перевела. – Но они не могут...

– Почему?

– Нужны документы, а потом, опасно... в округе рыщут люди М***.

– Кто этот М***? – наивно спросил Виталий.

– Местный каратель.

– Хорошо, значит, они собираются переправиться через границу? И куда же они думают двинуться?

– Минуя Балканы – в Европу... во Францию или Германию.

– У Вас там родственники? – продолжал допытываться Белосельский.

Хозяйка дома опустила глаза.

– Отвечай же, Адриана, можешь говорить открыто. Этот человек может помочь! Адриана! – воскликнула Агнешка по-сербски.

Вдруг Адриана схватила Белосельского за руки и стала что-то говорить с таким даром убеждения, что молодой человек почти догадался, о чем речь.

– Хорошо, что Вы хотите от меня? Помощи в чем?

– Адриана, успокойся.

Муж Адрианы пытался успокоить жену.

– Она говорит, что помощь ей нужна только ради ее племянников – ради Милоша и Ивы. Они еще совсем маленькие, она хочет избавить их от тягот войны... она хочет перевезти их через границу в Европу.

– Если я это сделаю, на какие средства Вы будете жить там? Спросите у нее, Агнешка? У нее есть родственники в Европе? Они смогут ей помочь хотя бы первое время?

Женщина, казалось, инстинктивно поняла вопрос, но продолжила что-то горячо доказывать Агнешке.

– Она не ради себя, а из-за детей... она хочет избавить их от этого ужаса...

Тем не менее хозяйка дома продолжала убеждать Агнешку.

Белосельский лишь покачал головой и отвернулся.

– Где же дети? – спросил Виталий, покончив с холодной молочной закуской.

В этот момент бесшумно отворилась дверь и показалась девочка лет семи-восьми; хрупкая, миниатюрная, с темно-каштановыми длинными локонами она напоминала куклу, у которой живыми были только глаза. Казалось, что именно они поддерживали связь девочки с внешним миром; глаза говорили, глаза печалились, туманились, глаза отвечали отказом; но в лице – каменная неподвижность, точно глубокое горе наложило ужасные чары. В Алексее шевельнулась острая жалость.

– Иди сюда, Ива, – произнесла Агнешка.

Девочка приблизилась так скорбно и так торжественно печально, что невыносимо было смотреть на это безысходное горе. На ней было простое хлопковое платье, шея повязана шелковым платком.

Хозяйка дома Адриана усадила девочку рядом с собой, провела рукой по ее волосам и сказала что-то на ухо по-сербски. Но Ива молчала точно зачарованная.

– Какой красивый ребенок, – заметил Виталий, – но молчаливый.

– Она всегда такая, – сказала Агнешка, – с тех пор как... но брат ее понимает и мы тоже. Милош даже немного говорит по-русски.

В это время Белосельский увидел мальчика лет десяти. Он выглядел не таким подавленным, как сестра, но казалось, что его черты лица носят оттенок печальной задумчивости, слишком серьезной, слишком трогательной для ребенка его возраста. Он примостился на диване возле сестры и взял ее за руку. Теперь дети сидели вместе и ходили на два поблекших цветка, пересаженных из благодатной почвы в чужую, враждебную.

– Я позвала Вас из-за них, – продолжала Агнешка, – я знаю, что Вы возглавляете благотворительный фонд, Вы можете что-нибудь сделать для этих детей? Перевезти через границу?

– Это опасно. Вы сами знаете, что может произойти по дороге. К тому же мы сами здесь полуофициально, – отвечал Белосельский, – войска НАТО скоро придут. Приказ задерживается, но может быть принят в любую минуту. Люди М*** неподалеку. Могут пострадать дети. Я не могу взять на себя эту ответственность.

– Но кое-что Вы можете, я это знаю, я это чувствую... сделайте что-нибудь, прошу Вас.

Белосельский внимательно смотрел на детей, и в его душе росла еще большая ненависть к тем, кто развязал кровопролитие.

– Вы поможете нам?

В этот момент Ива востропнулась, точно поняла значение вопроса, и взглянула на Алексея таким чистым и невинным взором, в котором была не просьба, не упрек, а лишь горькое смирение, что молодой человек не выдержал и отвернулся. У него навернулись слезы на глазах, и он произнес твердым тоном:

– Хорошо, я подумаю... Лучшее, что я могу сделать – это перевести детей через границу. Я ведь возвращаюсь в Москву. Есть вертолет, который должен нас эвакуировать, я могу забрать с собой этих детей, ведь в России нет войны, в Москве... там будет спокойно, но одиноко.

– Это лучше, чем быть здесь, когда...

– Да, я понимаю.

В это время раздались сильные хлопки, а затем оглушительные залпы. Ива зажала уши руками, ее брат обнял ее крепко-крепко, точно желая защитить от неведомой опасности.

Белосельский выглянул на улицу. Батальон солдат засел, спрятавшись за противоположным домом.

– Так, на улицу уже не выйдешь, похоже, что мы отрезаны.

В это время грохот усилился так, что было слышно, как затрещала ветхая крыша дома. Пальба не смолкла, а лишь усилилась. Белосельский закрыл глаза, стараясь увидеть картины будущего, которые он видел с некоторых пор – события, людей – как звенья в цепи, мельчайшие детали, все то, что он, подобно разбросанной мозаике, мог сложить в целостное представление о грядущем. Внезапно он вздрогнул и быстро сказал:

– Нам надо спуститься в погреб!

– Откуда Вы знаете, что он есть?

– Быстро спросите у хозяйки дома, где погреб, и спускаемся туда.

Адриана поняла вопрос. Она бережно взяла детей за руку и указала дорогу. Крышка погреба сначала не поддавалась, и даже силач Виталий не смог открыть ее.

– Попробую я, – Белосельский вновь закрыл глаза, он так делал, когда хотел сосредоточиться на той неведомой силе, которую ощущал в себе с некоторых пор.

Крышка люка поддавалась. Виталий даже не успел удивиться, как Белосельский быстро стал спускаться вниз, желая измерить глубину погреба. Пройдя две трети пути, он подал руку Иве.

– Не бойся, крошка.

Он успокоился только тогда, когда крохотные ручонки обхватили его шею и он бережно спустил девочку на землю. То же самое он проделал с братом девочки. Затем Агнешка, хозяйка дома и Виталий спустились по лестнице в пыльный погреб.

Здесь было темно, душно; сквозь щели, образовавшиеся в стенах, виднелись разбросанные мешки с мукой и какими-то неизвестными припасами.

– Они придут сюда, – внезапно произнес Белосельский.

– Кто?

– Солдаты.

– Надо сидеть тихо.

Адриана обняла Иву. Но девочка смотрела лишь на Алексея. Казалось, ее глаза, громадные синие глаза, говорили с ним на одном языке.

Он обнял ребенка и прошептал:

– Не бойся ничего. Я обещаю, что ничего не случится. Сейчас придут солдаты. Надо сидеть смирно.

– Когда придут? – спросил Виталий.

– Через несколько минут, надо сидеть тихо как мыши.

Он оказался прав. Через некоторое время послышался тяжелый топот ног; снизу посыпался песок, подтверждая слова Белосельского. Тяжелая поступь отзывалась в сердце подобно кузнечному молоту. Казалось, что только Белосельский сохранял спокойствие.

Так продолжалось минут пятнадцать, которые показались целым веком. Но нужно было еще сидеть как минимум полчаса. Только тогда Белосельский вздохнул свободнее. Наконец он сказал:

– Теперь опасность миновала.

– Я думала, что это те же солдаты, которые охраняли нас еще вчера.

– Они получили другой приказ, вот и все, – заметил Белосельский, – это война... что им до наших жизней, когда во главе угла политика.

– Что будем делать?

– Машину нашу они не нашли, я в этом уверен, надо скорее уезжать всем вместе.

– Я не поеду, да и мест не хватит, – твердо произнесла Агнешка.

– Вы допускаете ошибку.

– Нет, мое решение твердо... позаботьтесь о детях.

Адриана обратилась с речью к детям. Она говорила про отъезд. Но Ива смотрела лишь на Белосельского. И он отвечал ей.

Прошел час.

– Теперь пора, нужно убираться отсюда. Полагаю, приказ уже отдан. НАТО скоро будет здесь. А те солдаты, которые еще вчера защищали Вас, сегодня будут жечь деревни. Они все подчиняются М***.

– Не все, – возразила Агнешка.

– Если Вы не передумаете...

– Я все сказала!

Белосельский покачал головой и помог детям выбраться из погреба. Мебель в доме оказалась вся поломанной, съестных припасов – никаких, стекла были все выбиты.

– Вот Ваши солдаты, которые еще вчера Вас так бдительно защищали.

Агнешка промолчала.

Двигались осторожно, избегая центральных улиц. Было заметно, что основные части батальона сгруппировались в центре; туда, словно скот, сгоняли людей и сажали в специально подготовленные грузовики с железными решетками.

– Мы ничем уже не можем помочь, – ответил Белосельский, – как я уже говорил, войска НАТО скоро будут здесь и наведут порядок.

Автомобиль – здоровенный джип – оказался припрятан в ветхом сарае.

– Откуда такая машина?

– Всех своих секретов я не раскрою, – улынулся Белосельский, – я называю эту машину «Мустанг». Стекла бронированные... Садитесь.

Иву и Милоша посадили на заднее сиденье. Белосельский предоставил руль Виталию, а сам повернулся к Агнешке:

– Я могу для Вас что-то еще сделать? Я мог бы открыть Вам...

– Нет, это не нужно... позаботьтесь о детях... обещайте это!

– Я обещаю.

Агнешка посмотрела в полные твердой решимости глаза молодого человека.

– Я верю Вам. Вы еще так молоды... но Вы необычный человек, в Вас есть особая сила, я это сразу поняла. Вы еще столько сделаете для людей... я верю Вам, прощайте!

Это были ее последние слова. Больше Белосельский никогда не видел Агнешку и не встречался с ней, но звук ее голоса настолько проник в сердце, что он потом никогда его не забывал. Много лет он искал эту бесстрашную женщину-филантропа, которая посвятила себя служению людям, и не находил. (Агнешка числилась в списках как пропавшая без вести – точно сам демон войны уволок ее в свои страшные тенета.) Но так или иначе храбрая служительница Красного Креста исчезла, и он не нашел более ни единого упоминания о ней ни в одном источнике.

... Дорога все больше раскрывала свои кольца как змея, она сначала круто поднималась в гору, пролегая вдоль каменистых ущелий, затем спускалась в долину, украшенную тополями-великанами. Наконец они увидели изумрудные холмы, украшенные лещиной и грабом.

– Скоро граница, – сказал Белосельский, – точнее, впереди блокпосты. У нас документы все в порядке, но в Вас они распознают беженцев.

Адриана и ее муж что-то ответили по-сербски. Белосельский скорее угадал, чем понял ответ.

Примерно через пять километров он сбросил скорость машины и стал передвигаться так, чтобы не вызвать подозрение.

Блокпост был небольшим. Он представлял собой колючее ограждение и еще каменную сторожку, где отдыхали «красные береты». Впрочем, «на часах» было только двое бойцов. Увидев машину, они знаком предупредили товарищей. В одно мгновение человек пять во главе с командиром оказались на ногах и угрожающе подняли дула своих автоматов.

– Говорить буду я, – произнес Белосельский. – Не впадайте в панику. Что бы ни произошло, я за все отвечаю.

Виталий заглушил мотор. И вовремя. Резкие и враждебные окрики солдат не заставили себя ждать. Белосельский узнал смешение албанского и сербского наречий.

Он вышел из машины и хотел было открыть рот, но его тут же поставили лицом к машине, завели руки за спину и подвергли обыску. Не найдя оружия, солдаты приказали выйти другим пассажирам.

Белосельский попытался обратиться к командиру по-английски и по-французски, но тот поднес пистолет прямо ко лбу молодого человека и внимательно в него всмотрелся. Он увидел лишь пылающие ненавистью глаза, оливковую кожу и тяжелый висячий нос. Вдруг командир вспыхнул и взвел курок пистолета.

– Ты русский... я это понял.

– Вы говорите по-русски, – отвечал Белосельский, стараясь говорить ровно и спокойно, – очень хорошо... Я здесь с благотворительной миссией Красного Креста.

– Ты думаешь, я дурак! – возразил командир, наливаясь желчью. – Я вижу кто ты.

– Посмотрите документы.

– Нет, мне это ни к чему, я знаю, что вы, русские, очень ловкие...

По мере того как командир говорил, в его речи все меньше можно было услышать акцент.

– И считаете нас, простых солдат, за пушечное мясо... это вы посылаете нам шпионов, спецотряды, которые нас убивают.

– Это не имеет к нам никого отношения, – возразил Белосельский.

– Не шевелиться! – завопил командир. – Я Вам докажу, что я не ошибся... а это кто?

И он указал на Адриану, ее мужа и детей.

– Они с нами, – ответил Белосельский.

Командир внезапно перешел от ярости к хохоту.

– Вы еще глупее, чем я думал. Слишком грубый обман.

И резким жестом он ударил рукояткой Белосельского по голове. Молодой человек рухнул на землю. Он казался оглушенным. Виталий хотел сделать резкое движение, но тут же был так же распростерт в придорожной канаве.

– Я не получил ответа на свой вопрос.

– Хорошо, я скажу, поднимите меня.

Командир дал знак и двое солдат подняли Белосельского с земли.

– Я слушаю, но бойся солгать.

– Эти дети и их родители со мной, не трогайте их... Я вам заплачу... у меня много денег... чековая книжка в моей куртке.

– Значит, ты считаешь, что меня, настоящего патриота, можно купить?! Ты ошибся... русский.

И Белосельский получил еще один удар по голове. Из уст Ивы вырвался крик. Ее брат крепко обхватил сестру. Но солдаты попытались разлучить детей. Они грубо стали вырывать их друг у друга. Произошла жуткая сцена насилия. Адриана и ее муж, не в силах видеть эти зверства, попытались вступить за детей, но получили лишь удары прикладом.

– Оставьте детей! Пойдите! – закричал Белосельский, но получил третий, более сокрушительный удар по голове.

Внезапно перед ним все поплыло. Молниеносная вспышка, и он опять увидел странный свет как тогда, когда попал в аварию, и вновь голос прошептал ему: ты можешь это сделать! Это состояние длилось ничтожную долю секунды, но оно преобразило Алексея. Он вновь ощутил в себе такую исполинскую силу, которую еще никогда не знал за собой. На него градом сыпались удары, но он уже не воспринимал их, они почти не причиняли ему боли. Он вскочил на ноги и легко опрокинул командира и двух солдат, которые держали его за руки.

– Ива! Милош! – он видел только детей, от которых нужно было отвести угрозу, и не заметил, что их приемных родителей поставили на колени.

Раздались два выстрела, и два тела упали бездыханными! Это настолько поразило Алексея, что он замер как вкопанный, не в силах осознать, что произошло. Какая-то ничтожная доля секунды решила судьбу людей. И опять странный звон в ушах и голос: ты можешь!

Командир воспользовался этим секундным замешательством и опять напал на Алексея, стараясь наносить удары прикладом по спине. Но молодой человек стоял как несокрушимая скала – удары не могли его свалить, и он услышал удивленный крик и ругательство:

– Что за черт?!

Мощным ударом молодой человек отбросил командира как тростинку, двоих солдат с такой силой столкнул лбами, что те немедленно повалились на траву. Оставались еще двое «красных беретов», в чьих руках были дети. Сделав бросок через голову, Белосельский приблизился к солдатам и нанес им такие страшные удары, что те были оглушены. Он обнял детей и прижал к груди.

Однако за это время командир успел прийти в себя и, встав на ноги, поднял пистолет и навел на Белосельского. Алексей загородил своей грудью детей, грянула вспышка. Молодой человек ощутил легкий ожог плеча, но не придавал значения. Однако полностью разрядить обойму командиру не дал Виталий; успев расправиться с двумя солдатами, он вышиб оружие из рук убийцы.

Все было кончено.

– Вы не ранены, шеф?

– Нет, надо уезжать!

Ехали быстро. Белосельский избегал смотреть на детей. Он словно ощущал свою вину. Ива и Милош сидели спокойно, они походили на брошенные, вырванные, поблекшие цветы.

– За нами прибудет вертолет?

– Да, нужно доехать до границы...

– Сколько еще осталось?

– Немного... это моя ошибка, – прошептал молодой человек, – моя... я думал, что все предусмотрел, но я оказался слишком самонадеян... слишком понадеялся на себя, свои силы и способности.

– Не вините себя, каждый может ошибаться.

– Только не я. Такие ошибки стоят...

Он застонал.

Виталий хранил молчание.

– Ты не понимаешь, что происходит в моей душе... я считал себя всеведущим, раз я вижу некоторые картины будущего, они словно мозаика... калейдоскоп, состоящий из множества малейших деталей, мелочей, подробностей... и каждая из них несет в себе опасность... и я борюсь с нею, я могу выиграть, если продвигу ее. Но в этот раз я не смог распознать... не смог понять... события словно наложились друг на друга.

– Теперь бесполезно об этом говорить. Что Вы намерены делать с детьми? Возьмете с собой?

– Придется. Я вынужден, другого выхода нет... По приезду придется найти им приемную семью.

Белосельский обернулся и посмотрел на заднее сиденье. Девочка спала в объятиях брата. Милош глядел вперед, но его глаза, казалось, ничего не замечали, а созерцали предметы безучастно.

Виталий снова закурил, потом бросил и выругался.

– Если вернемся в Москву без дальнейших приключений, то это будет поистине чудо.

Затем он принялся рассказывать армейские истории.

Белосельский не слушал, а время от времени поглядывал на детей.

Глава 10. Возвращение

– Входи, Ива, – Белосельский наклонился, взял девочку за крохотную ладонь и слегка подтолкнул к красивому белому портику, – я здесь живу. Пока ты с братом будешь жить в этом доме.

– Она не говорит с того дня, – ответил по-сербски Милош. Он обнял сестру и прошептал ей что-то на ухо.

Была уже глубокая осень. Ветер безжалостно терзал волосы Ивы. Ребенок послушно переступил порог и с опаской оглянулся. Затем он слегка подтолкнул сестру.

– Входите же, – не выдержал Виталий.

Белосельский многозначительно посмотрел на своего «цербера» и тот ушел во двор курить.

– Ово је твоја кућа?¹ – спросил Милош.

Дети осматривались осторожно, точно ожидали неведомую опасность.

– Да, но скоро я уеду. Здесь, скорее всего, будет приют, этот дом слишком велик для меня, тем более что я скоро женюсь и уеду.

– Вы оставите нас?

– Послушай, Милош, – произнес серьезно Белосельский, – садись сюда... По-сербски я не говорю, могу по-английски, но лучше по-русски, потому что ты меня понимаешь. Я сделал все, что было в моих силах. Но я... я хочу вам помочь... тебе и твоей сестре... Вам подберут семью, где займутся вашим воспитанием. Вам не будет плохо... о вас будут заботиться.

В это время Ива подняла свои ласковые, полные слез доверчивые глаза на молодого человека.

– Останься с нами, – произнесла девочка таким тоном, что сердце Алексея дрогнуло.

На его глаза навернулись слезы.

– Послушай, Ива, я... я не могу с вами остаться... Я для вас никто... я вскоре уеду... вся моя жизнь будет посвящена внезапным отъездам. Тем более я скоро женюсь... но это неважно. Вас я не оставлю... клянусь.

Он закрыл лицо руками.

– Если бы я знал, что так получится... Вы должны были быть с вашими родственниками, перейти границу... это я виноват... один я. Простите меня... мне никогда не искупить вины. Но я не оставлю вас на произвол судьбы... я клянусь в этом! Те люди, которые виноваты в вашем несчастье... они понесут наказание.

– Эээ, – протянул Виталий.

– Пройдут годы, – прошептал Белосельский, – но я найду этих людей!

– Вы так молоды, – возразил Виталий, но Белосельский посмотрел на него таким горящим взором, в котором пламенела негнбаемая сила воли.

Немного погодя молодой человек успокоился.

– Сила, что есть во мне, клокочет и бушует. Иногда мне кажется, что я сам едва умею управлять ею, а иногда, что она управляет мной.

– Тем более что... – подхватил Виталий.

– Что?

Виталий запнулся.

– Простите, шеф, но ведь я сам видел, как он разрядил в Вас всю обойму... Вы...

– Сейчас не время об этом! – надменно ответил Белосельский и вновь приблизился к детям, которые по-прежнему сидели на бархатной оттоманке.

¹ Это Ваш дом? (перевод с серб.)

– Вы поживете здесь... до того момента, пока приемная семья вас не заберет. Кому попало я вас не отдам.

И затем прибавил другим, более мягким тоном:

– Прикажи подать ужин, самый изысканный!

– А Вы, шеф?

– Я присоединюсь, но чуть позже... с некоторых пор у меня пропал аппетит... особенного после всех тех событий. Но ты прав, не будем расстраивать еще больше Иву и Милоша!

Виталий вздохнул и велел принести ужин в гостиную.

* * *

– Ты хочешь роскошную свадьбу?

– Ну конечно, – Елена обнимала его за шею и Белосельский ощущал ее жгучие губы, – самую роскошную в мире.

Ночная Москва расстилалась перед ними. Тусклый свет огней сменялся более ярким, но затем опять мерк, и вновь возрождался... Дорога иногда кажется бесконечной, если не видишь ее конца. Белосельский остановил машину у симпатичного, на первый взгляд, ресторана.

– Твой «Аргус» за нами не следит? Меня это несколько утомляет.

– Нет, на данный момент нет, но все равно он где-то поблизости.

– Так будет и после нашей свадьбы?

– Весьма вероятно.

– А если я буду против такого явного вмешательства в нашу жизнь?

Белосельский усмехнулся.

Она вошли. Столик был заказан, и Алексею и его невесте отвели лучшее местечко.

– Я улавливаю скрытое недовольство в твоих словах.

– Я ненавижу, когда за нами следят. Я не шучу. Я вполне серьезно. Это как если бы за мной все время подсматривали.

– Но видишь ли, Лена, ты же знаешь, кто я... и кем собираюсь стать!

– Ну только не начинай, иначе я обижусь! Сегодня мы будем говорить только о свадьбе, ты же обещал.

– Хорошо, извини.

– Ты перессорился со всеми своими друзьями, одних выгнал, на других подал в суд, я уж не говорю про твоих братьев, с которыми ты, мягко говоря, не ладишь. А где мы будем жить?

– Тот дом, который ты считала моим, слишком велик для меня, – ответил Белосельский и его взгляд несколько затуманился, – я там устрою приют. Я куплю нам новый, удобный просторный дом... тебе понравится!

– Хорошо... Мне, кстати, сказали, что ты привез каких-то детей.

– Кто тебе сказал?

– Неважно.

– Виталию следует быть более сдержанным, если он хочет задержаться у меня на службе...

– Кто эти дети?

– Это сироты, я им подыщу семью.

– Каким ты стал заботливым... Еще не так давно ты проповедовал другой образ жизни, – в голосе Елены звучал явный сарказм.

– Не будем об этом. Ладно, а свадебное путешествие? Куда бы ты хотела поехать? – Белосельский попытался изменить тему разговора.

– Париж, мечта любой невесты... – отвечала Елена.

– Значит – решено!

– Да, я согласна, – улыбнулась Елена, – это будет замечательно... Приятно, когда все решает мужчина. Марина придет на нашу свадьбу? Твоя сестра тебя очень любит, несмотря на прошлое.

– Да, это так... Но мы помирились.

– Это главное... И все-таки меня беспокоят некоторые вещи.

– Какие же?

– Мой дорогой, – произнесла Елена с интимной ноткой в голосе, коснувшись его руки, – мне все-таки хочется выяснить твоё подлинное отношение ко мне.

– Ты говоришь о чувствах? О них ты знаешь.

– Это так, но я говорю сейчас и о твоих поступках. Эта поездка в Б***, в страну, где идет война... бессмысленный риск.

– Ты забываешь – я выполнял свою миссию.

– Эти слова меня очень настораживают... миссия, миссия... ты только и твердишь о ней, а между тем я порой не знаю, о чем идет речь, и удивляюсь твоим внезапным отъездам; сейчас ты со мной сидишь и спокойно беседуешь, а потом внезапно срываешься с места и бежишь неизвестно куда...

– Повторяю еще раз: нет ничего важнее моей миссии.

– Все это... несколько странно... Мы никогда не говорили об этом, но мне кажется, перед тем как я выйду за тебя замуж, я должна знать некоторые вещи о тебе. Подробности той аварии не разглашались, но между тем я вижу, что все гораздо серьезнее, чем я предполагала...

Белосельский задумался и откинулся на спинку стула. Наконец он поднял голову и почти надменно взглянул на свою будущую жену.

– Хорошо, я скажу тебе кое-что... Да, я изменился, но ведь это не тайна. Того человека, что ты знала раньше, больше нет. Та авария не просто изменила мою жизнь, мои мировоззрения, но и мою сущность. Я приобрел некоторые способности, которых у меня раньше не было. Впрочем, я знаю, о чем ты беспокоишься. Я совершенно здоров, если ты на это намекаешь. Здоровее, чем когда бы то ни было. И в плане бизнеса все будет более чем успешно. Я стану миллиардером, буду заниматься нефтью. Кроме того создам... Подробности некоторых вещей тебе не особо должны быть интересны.

– Спасибо, что меня успокоил, но тем не менее у меня есть свой взгляд на вещи.

– Не нужно сомневаться, прошу тебя.

Она взглянула в его ясные глаза и поверила. Взгляд Алексея обладал удивительной притягательной силой, в которой невозможно сомневаться.

– Я верю тебе.

– Для меня это очень важно.

Слова эти потонули в заунывной фоновой музыке ресторана.

Глава 11. Свадебное путешествие

Для всякой девушки, только что вышедшей замуж, свадебное путешествие имеет особый смысл, особое очарование, воспоминание о котором остается на всю жизнь. Елена, по характеру достаточно холодная, прагматичная девушка, тем не менее переживала эмоциональный подъем. Алексея она считала своей собственностью, его отношение к ней – поцелуи, клятвы, – воспринимала как само собой разумеющееся, как еще один зубец золотой короны, которая уже украшала ее голову. И теперь ей хотелось увидеть Париж, колыбель Франции, место, где столько людей обрели счастье и, наоборот, утратили надежды.

После достаточно скромной церемонии (так настоял Белосельский) и довольно короткого пребывания за праздничным столом, полным прожорливых гостей, молодожены сели в черный лимузин, который покатил на бешеной скорости в аэропорт ***.

– Кстати, – заметила Елена, стараясь высвободиться из объятий молодого человека, – я надеюсь, хоть за границей мы останемся наедине? Твой «одноглазый циклоп» не будет нам мешать?

– У Виталия оба глаза, хотя он и несколько близорук.

Елена засмеялась.

Белосельский откинул голову на спинку сиденья.

– Виталий не циклоп, он человек. И я тебя прошу говорить о нем уважительно. Он теперь неотделим от меня.

– Значит, он будем третьим лишним. Мне он не нравится. Поэтому ты прикажешь ему остаться в Москве.

– Это исключено!

Елена гневно отвернулась, давая понять, что готова рассердиться.

– Он заботится о нашей безопасности. Особенно теперь...

– Почему? Значит, я опять буду под надзором?

Белосельский промолчал. У Елены все-таки испортилось настроение. И даже в самолете она еще обижалась, бросая гневные взгляды на мужа. Но затем, когда аэробус подобно гигантской птице оторвался от земли, она прижалась грудью к Алексею и обвила его за шею руками.

– Ты не сердись?

– Нет... Лена... давай не будем ссориться по пустякам.

– Давай.

Гул мотора заглушил вскоре эти наивные, тихо произнесенные слова.

Через три часа они были уже на французской земле. Сходя по трапу самолета, Елена с наслаждением вдыхала теплый воздух, словно насыщенный миллионами неизвестных ароматов, главным из которых была *свобода*.

Белосельский был настроен не так восторженно и романтично, как жена. Ему, пережившему сильные бури и потрясения, трагедию в Б***, все остальные чувства казались теперь лишь эгоизмом. Но тем не менее Белосельский был все еще молод, немного влюблен и, хотя жизнь рисовалась ему не такими розовыми красками, как его супруге, настоящее представлялось деятельным и содержательным.

Париж встретил молодую пару оттенками всех чувств и желаний, которые составляют самую основу жизни счастливых людей: безудержным весельем влюбленных, гуляющих по изгибам красивых улиц с домами, украшенными великолепными пилястрами и синеватой черепичной крышей; огнями Елисейских полей, где некогда проезжали кареты и экипажи величайших людей; беззаботным и беспечным ритмом, который словно окрылял душу. Сначала Елена была в прекрасном игривом настроении. Ее интересовали лишь поцелуи, укра-

шения и посещения магазинов. Белосельский не расставался со своей чековой книжкой; ему хотелось быть щедрым; он ощущал себя почти таким же всеильным, как Наполеон.

Однако, узнав, что нужно остановиться не в пятизвездочном отеле, а в другом месте Елена скорчила неподражаемую гримасу.

– Ты же обещал, что сделаешь для меня сказку.

Белосельский внезапно ответил несколько жестко:

– Путешествие планирую я. И я за все отвечаю. Ты же не хочешь, чтобы нам испортили медовый месяц?

– О чем ты?

Он немного помолчал, затем погода произнес:

– Я получил уведомление от Виталия... Я тоже не рад, что наши планы некоторым образом изменятся. Но огорчаться не следует.

– А если я не согласна?

– Будет так, как я сказал. Мы поселимся в не менее романтическом месте, где мансарда...

– Я хочу пятизвездочный отель! И пока ты мне не объяснишь...

– Ты действительно хочешь это знать? Почему я изменил маршрут?

– Да.

– Потому что для меня... скажем так... для нас это будет небезопасно.

Теперь Елена нахмурилась и посмотрела на супруга таким гневным взором, которым еще его никогда не одаривала.

– Меня это не устраивает, – наконец ответила она.

Но больше она не заводила об этом разговор. Они поселились в небольшой частной гостинице с красивым видом на Эйфелеву башню. Но Елена словно больше не замечала красот вокруг. Ее мало интересовал вид, открывающийся из гостиницы. Она брезгливо отворила ставни и закусила губу. На ее чело легло легкое облачко, которое почти не рассеялось до конца путешествия. Вечером, после похода в ресторан, она заявила:

– Как ты собираешься компенсировать то, что ты меня заставил разместиться в этой дыре?

Белосельский сначала хотел рассердиться, но потом снисходительно улыбнулся.

– Выбери.

– Я хочу настоящие украшения, не те жалкие, что продают везде, а настоящие, подлинные, которые идут только жене миллионера.

– Желание девушки – закон! – и потом уже тише прибавил: – Я все тебе куплю, но немного позже, завтра у меня важная встреча. После нее я тебе куплю хоть пол-Парижа.

– Какая еще встреча? У нас же свадебное путешествие! Неужели ты не можешь не думать о делах!

– Нет, я себе уже не принадлежу. Мне поручили встретиться с одним банкиром, здесь, в Париже. Поручили очень влиятельные лица, и мне доверили важную миссию.

– Я это слово уже ненавижу! Миссия... миссия... Иногда мне кажется, что миссия дороже меня... Если бы знала, что ты так себя будешь вести...

– То что?

Она промолчала.

– Не будем ссориться!

– Так я получу бриллианты?

– Конечно.

– Если тебе неприятно, я могу выбрать и сама.

– Я хочу быть с тобой, Елена, не расставаться с тобой.

– Но тем не менее дела и твой бизнес важнее, чем наша любовь.

В ее голосе ощущался упрек.

- Это не так...
- Я ведь могу стать более требовательной.
- Белосельский добродушно улыбнулся.
- Тебе не удастся поссориться со мной.
- Елена шутливо ударила его подушкой.
- Какие здесь смешные кровати... такие огромные.
- Наверно, раньше на них спали французские короли.
- И они так же ссорились, как мы?
- Сомневаюсь, но целовались наверняка.
- Он привлек ее к себе, но она оттолкнула его.
- Нет, я обижена...

Алексею пришлось уступить. Следующий день едва не начался с очередной ссоры. Но, получив подарки, Елена немного успокоилась. Белосельский купил роскошные вещи почти на пятьдесят тысяч долларов – кольцо и перстень. Елена тут же поспешила ими украсить шею и безымянный палец. Но чувство досады у нее не рассеялось, а наоборот, усилилось. Часа в три дня Алексей отправился на встречу, оставив жену скучать в гостинице. Он должен был увидеться с г-ном Х***, председателем правления «*** Банка», располагавшегося на бульваре Мальзерб. Банк находился в здании роскошного особняка, принадлежавшего ранее ситятельному князю, и которое его потомки превратили в не менее роскошный дворец, отреставрировав его с заботливой тщательностью истинных ценителей барокко и рококо.

Белосельского довольно легко пропустили в само здание, навстречу ему вышел мрачный человек, и нашего героя провели в приемную. Миловидная девушка на чистейшем французском языке произнесла:

- M. Sobolev est absent aujourd'hui, je suis desolee.²
 - Je suis absolument sur qu'il sera tres heureux de me voir,³ – быстро ответил Белосельский.
- И затем прибавил:
- Но мы можем говорить по-русски.

Девушка попыталась повторить заезженную фразу, но Белосельский несколько бесцеремонно вскричал:

- Передайте, что я от полковника Сафронова! Только это передайте, прошу Вас.

Она несколько секунд молча смотрела на молодого человека, затем, наконец, здравый смысл возобладал. И девушка, получив одобрение патрона, проводила Алексея в роскошный кабинет с мебелью из красного дерева, где в кресле с золочеными ножками величественно восседал директор банка. Это был сухой жилистый старик лет шестидесяти с седыми бровями и мрачно нависшими скулами. Белосельский тут же сообразил, что это не может быть господин М***, с которым он рассчитывал встретиться, а лишь «цепной пес» Лохидзе (по меткому выражению полковника Сафронова).

Молодой человек почувствовал высокомерное пренебрежение, готовое перейти в открытое недоброжелательство. И хотя Лохидзе подал ему руку, усадил в золоченое кресло, Белосельский ощутил неприязнь, рвущуюся наружу.

– Значит, Вы прямо из Москвы? И сразу решили нанести визит? Как это мило. Как поживает милейший полковник? Я слышал, он пошел на повышение?

В голосе собеседника послышалась явная ирония.

– Это правда, – подтвердил Белосельский, – он назначен советником министра.

– Это тем более патриотично, что именно в такое время Ваша страна нуждается в подлинных героях.

² Г-на Соболева нет, сожалею (перевод с фр.)

³ Я точно уверен, что он будет рад меня видеть (перевод с фр.)

Белосельский понял насмешку, которую, впрочем, Лохидзе и не пытался замаскировать.

– Давайте покончим со всеми этими любезностями, – произнес наш герой ледяным тоном. – Во-первых, мне хотелось бы знать, по какой причине отсутствует господин М***? Я имею четкие инструкции от полковника...

– Да, я знаю, – перебил невежливый старик. – Господин М*** приносит извинения, но дело неотложной важности избавляет его от необходимости выслушать то, что Вы можете сказать мне. Господин М*** приглашен на фуршет от имени самого мэра.

– Я имею четкие инструкции, и если сегодня отступлю от правила, то только из уважения к Павлу Павловичу, так как он упоминал о Вас.

– Какие же это инструкции?

Белосельский протянул старику дискету.

– Здесь все. Списки новых акционеров, номера счетов, схемы переводов. На словах мне поручено сказать Вам следующее: Павел Павлович и некоторые другие лица недовольны тем, как Вы распределили средства после получения неплохого куша от «Центра», особенно после создания компании «ФИН***».

При этих словах Лохидзе сначала помрачнел, но потом позволил себе рассмеяться.

– Недоволен нами? И он поручил Вам высказать нам свое недовольство?

– Именно. Но прежде всего необходимо, чтобы инструкции были выполнены немедленно. Переводы должны быть сделаны в течение двадцати четырех часов, кроме того изменится список миноритарных акционеров, среди которых, кстати сказать, фигурирует и мое имя.

Старик улыбнулся еще шире.

– Разумеется, все инструкции будут выполнены. Вы, я так понимаю, тоже почли за счастье стать нашим акционером?

– Именно так, я являюсь...

– Мы знаем, – опять перебил гостя Лохидзе, – кто Вы и какой у Вас банк. Но подумайте сами, какое место занимаем на рынке мы и Ваше новоиспеченное предприятие?! Мы начинали еще с тех времен, когда не было даже SWIFT. Я приехал сюда в 1972 году...

Белосельский сделал нетерпеливое движение, но старик поднял палец.

– Мы здесь так давно, что настолько вросли в эту почву, что считаем ее своей. Мы выполняем эти инструкции лишь по одной причине – это соглашение добровольное, наследственное, как майорат в старинном французском праве. За то время, что мы здесь, мы прекрасно ладим с мэрией и другими органами власти, и мы не нуждаемся в другом покровительстве. Вы забываете, что здесь действуют совсем не те законы, что у Вас. Французы отвоевали свое право на свободу в 1789 году, когда взяли Бастилию! А где Ваши достижения? Прошло только шесть лет, как Вы гордо говорите «рыночная экономика»! Свобода! Как бы не так! Вы живете в мнимой свободе и по-прежнему управляетесь «железной рукой», испытывая ностальгию по старым временам.

– Тем не менее эта «железная рука» дает Вам власть, в противном случае Вас немедленно отзовут обратно!

Старик расхохотался.

– Вы и впрямь полагаете, что такое вообще возможно? Отозвать нас обратно невозможно!

– Тем не менее, при моем уважении к Вам, – вскричал Белосельский, – мы все прекрасно знаем, кто является ключевой фигурой и управляет всем на самом деле. И в «Центре» это тоже известно. Ваши некоторые операции слишком видны и слишком очевидны даже для людей несведущих. Более того, грядут очень серьезные изменения, и эти изменения могут Вас коснуться.

– Какие же это изменения? Вы думаете, мы оторваны от реальности? Мы знаем, что происходит и какие решения принимаются каждый день за закрытыми дверями.

– Тогда Вы должны знать о грядущей приватизации, которая состоится в ближайшие годы.

– Этого не случится. Мы не отдадим наш банк.

– Вас просто присоединят к...

– Этого не произойдет, – возразил Лохидзе, – я знаю, что такие разговоры ведутся, но они необоснованны, и напрасно Вы этим меня пытаетесь напугать.

– Я? никоим образом. Я просто Вам говорю о том, что произойдет.

– Придется поблагодарить Вас, но не могу. Итак, вернемся к инструкциям... только одна дискета?

– Только одна.

– Почему полковник не захотел отправить зашифрованное сообщение или переслать это по электронной почте, а именно через Вас?

– Видите ли, Павел Павлович – человек мудрый и рассудительный, старой закалки. Он не доверяет изобретенным средствам связи и верит лишь своему собственному опыту. Кроме того, я по просьбе полковника составил себе карту предприятий, которыми Ваш банк владеет. Я имею в виду все предприятия, включая также оффшорные банки.

– Это прекрасно.

– Однако поэтому полковника удивило Ваше сообщение о снижении прибыли и о смехотворных суммах в прошлом году.

– Я так понимаю, что он больше нам не доверяет?

– Полковник просил меня Вам сказать, что он просит Вас компенсировать ему недостающие суммы в будущем году. Если у Вас нехватка наличности, можно прочим имуществом, даже здесь, во Франции.

Лицо Лохидзе стало серым.

– И кто же определил эти суммы?

– Он сам и еще лица, которых Вы знаете. Я также внес свою лепту.

– Вы?! Хорошо, давайте поговорим серьезно. Вы думаете, мы просто банк? Филиал советского заграничного банка? Так было, скорее всего, лишь в шестидесятых годах, да и то мы всегда делали что хотели. Мы покупали и политиков, и чиновников любого ранга. Оглянитесь, у нас свои люди в муниципалитете, в мэрии, в национальном собрании... Мы влияем на экономику, ну и что, что она французская. Вы думаете, что Вы с Вашим полковником – это весь мир? И мы должны Вас слушать? Вы забываете, что здесь французская земля, и Вам не удастся нас запугать.

– Полковник как раз приготовил очень хороший ответ на Вашу реплику. Он сказал, что за Вами очень давно наблюдает и очень разочарован в господине М***, который не выполняет своих обещаний. Поэтому и принято решение о приватизации. Это коснется всех филиалов, включая Лондон.

– Наивный Вы человек. Вы воображаете, что живете в стране, которая даровала Вам рыночные отношения. Вы знаете о нашем подлинном влиянии?

– Конечно, и это в последнее время стало вызывать серьезную озабоченность. Незаконное участие в долевых капиталах некоторых банков, подозрительные контракты на поставку «оборудования»... мне продолжать?

Лохидзе нахмурился.

– Также в Вашем банке есть счета тех лиц, на присутствие которых мы закрываем глаза больше не намерены...

– Кто это «мы»?

– Я прошу извинить за эти слова, но Вы переоцениваете значение Вашего банка. Сейчас такое положение, что интересы определенных лиц могут обслуживать и зарубежные банки, и

для этого Вы совсем не нужны для долевого участия.⁴ Идет все к этому. К тому же полковник настаивает на том, чтобы контролировать все Ваши действия без исключения.

Лохидзе встал.

– Я не намерен это обсуждать. Я буду отвечать только Сафронову, а не Вам.

Белосельский тоже встал и ушел по-английски, то есть не прощаясь.

Через несколько минут он был уже на бульваре Мальзерб и, увидев красивое кафе, зашел туда. Сев за самый обычный столик, он с непринужденным видом обратил внимание на красивый фонтан со статуями, напоминавшими мифологических героев.

Улыбающийся официант, весело напевающий себе под нос, задорно обслуживал клиентов и почти подплясывал на ходу. Он походил на мотылька, порхающего с цветка на цветок. Приблизившись к Алексею, он положил ему на стол карту меню и произнес безразличным тоном:

– Выйдите через черный вход. Вас ожидает один человек.

Алексей вздрогнул и посмотрел, что вместо карты меню на столе лежит визитная карточка с именем человека, написанным золотыми буквами с внушительными виньетками.

– Вы уверены, что...

Официант произнес серьезным тоном:

– Ведь Вы Алексей Белосельский?

– Готов следовать за Вами.

* * *

...Вернувшись в гостиницу часа через три, он очень удивился, узнав, что жены больше нет в номере. Все ее вещи исчезли, и только записка в ироничном стиле: «Я остановилась в отеле ***. Жду тебя! И еще раз спасибо за медовый месяц».

Он встал и распахнул окно. Была уже почти ночь, набросившая свой бархатный покров на Париж; внизу на улице слышалась негромкая музыка; головы прохожих, влюбленных парочек то и дело мелькали за столиками кафе...

А он думал о том, сколько ему предстоит, и что он, по сути, уже не принадлежит сам себе...

⁴ Все бывшие соцзагранбанки формально участвовали в капитале ЦБ. Именно через них проводились операции по отмыванию денег, покупка недвижимости в Европе и другие сделки еще в начале 60-х и 70-х годов, когда в СССР еще была плановая экономика. В данном случае Белосельский намекает на то, что банк Лохидзе был не так уж и важен для ЦБ (в плане долевого участия в его капитале), так как контролировался влиятельными «тузами» из силовиков. (примеч. Автора).

Глава 12. Предложение Сафронова

Вернувшись в Москву, Белосельский вспомнил о двух сиротах – Иве и Милоше – и немедленно спросил Виталия о том, как им живется в приемной семье. Однако Виталий лишь смог почесать затылок и откровенно признать, что он как-то упустил из виду это обстоятельство и вообще давно забыл об этом печальном эпизоде. Елена, раздраженная, что на горизонте опять появился «цербер», в машине затеяла ссору с мужем. Она считала Белосельского своей полноценной собственностью и пыталась руководить им, но у нее это не всегда получалось. Она не хотела признать, что Алексей является лидером в отношениях. Ей хотелось показать над ним свою власть, она жаждала доказать, что оказывает величайшее снисхождение, даря свою любовь, забывая, что семейное счастье зиждется на взаимном уважении. А себя Елена ставила превыше всего на свете, считая совершенством не только свою фигуру, но и весьма посредственный ум. Поэтому первый день приезда был отмечен очередной ссорой. Главное, Елена хотела жить в особняке, который должен был приобрести Белосельский, но он этого не сделал.

– Мало того, что ты меня загнал чуть ли не в шалаш во время нашего свадебного путешествия, хотя мы должны были жить в пятизвездочном отеле, ты еще и дом не приобрел! В твой хлев я не поеду!

– Какой же это шалаш? Прекрасная гостиница, очень романтичная, в старинном готическом стиле...

– Хватит!

– Почему тебе не нравится квартира? Она в центре города...

Елена отвернулась. Упрямство жены выводило его из себя, поэтому он предпочел замолчать. Тем не менее, в конце дня Елена сменила гнев на милость и даже позволила себя обнять.

На следующий день у Алексея были неотложные дела, поэтому он решил назначить несколько важных встреч.

Была уже глубокая осень, которая всегда находит печальные отзвуки в сердце человека; нависший купол серых туч походил на гигантские морские валы с полотен Айвазовского, когда море изображается таким беспощадным и безжалостным в своей всепожирающей стихии; листья кленов и тополей почти все облетели; дорогу устилал целый шлейф из багряной листвы, превращающейся в черно-бурую массу.

У массивной чугунной ограды стоял вооруженный человек с биноклем в руках. При приближении машины Белосельского он взял ее на прицел своей оптической винтовки. Однако распознав номера и получив указание патрона, винтовка опустилась вниз. Виталий остался снаружи. Белосельский вошел в дом один.

Полковник Сафронов как всегда радушно его встретил в своей гостиной. Он был одет в костюм, а легкая пыль на башмаках позволяла предположить, что их обладатель провел утро не без пользы для себя.

– Я ждал тебя даже раньше...

– А что это за снайпер у ворот?

– Это для отвлечения внимания. На самом деле мои люди давно мне уже доложили о том, что ты едешь. Дорога полностью просматривается и контролируется. Времена сейчас неспокойные, каждый может нанести удар в спину.

– Только не я.

– Да, я знаю... ты вообще исключение из правил!

– В каком смысле?

– В том смысле, что в Париже ты вел себя даже смелее, чем я думал, но старик, кстати, уже получил выговор за неучтивость.

- Значит, Вы знаете, какой он прием мне оказал?
- Конечно. Ты не удивишься, если я скажу, что мне известны почти все детали твоих переговоров?
- Нет, не удивлюсь. В конце концов, я был только курьером.
- Но старик вел себя упрямо, я имею в виду этого Лохидзе. Он очень скользкий тип. Я его называю «старый угорь».
- Белосельский рассмеялся и расстегнул пуговицы пиджака.
- Он позволил себе неучтивость по отношению к тебе, моему представителю...
- Я ему напомнил о некоторых вещах.
- Да, а он вздумал читать тебе лекции о великой французской революции. Вот такие патриоты, друг мой. И это еще лучшие... Но я тебя обрадую...
- Чем же?
- Тем, что после твоего ухода в банк наведались и другие мои представители, которые, не застав М***, кое-что прояснили Лохидзе, а потом навестили его на вилле в Ницце, где застали всю их камарилью в полном сборе. Знаешь, о чем беседовали эти молодчики? Они обсуждали перспективы покупки футбольного клуба! Представляю себе их изумление, когда мои ребята перед ними предстали... Кстати, вилла у них слабо охранялась – человек пять-шесть и легко вооруженных.
- И что же в конце?
- М*** и Лохидзе принялись уверять, что инструкции уже выполняются, и что они в любую минуту готовы переписать всю недвижимость на нас, как только мы им прикажем.
- Банк сам по себе им не нужен, они сами являются акционерами французских компаний...
- Полный перечень которых у нас есть. Я его уже обсудил с некоторыми влиятельными персонами, и мы пришли к выводу, что М*** больше нам не нужен. Мы не можем ему доверять как раньше. Поэтому мы решили его отстранить... навсегда.
- Что это значит?
- Внешне все будет прилично и формально. Господин М*** уже не молод и подвержен приступам болезни... его найдут на яхте в обществе прелестных девиц из «Мулен Руж»... Кстати, секретарша из банка... видел ее?
- Да.
- Красивая девушка! Никто и не подумает, что она «наша».
- Я это понял, – тихо произнес Белосельский, – но в конце только... в ее глазах было что-то странное.
- Хорошо, ты еще увидишь, как мы реформируем банк.
- И кто же станет директором?
- Некто Слоновский. Он приходится дальним родственником нашему министру. Приказ уже подписан. Слоновский поедет не один, мы подготовили ему две команды – для внешнего и внутреннего прикрытия. Но это уже наши секреты, и я в детали вдаваться не буду. Тебе об этом незачем знать. Зато мы можем быть уверены, что Слоновский нас не предаст...
- Вы уверены в нем?
- Сафронов улыбнулся и, подойдя к окну, слегка приоткрыл бархатные жалюзи, чтобы больше света проникло в комнату.
- Я уверен в одном, что человеком всегда руководят одни и те же чувства... Например, страх... По сути, все люди одинаковы и предсказуемы. Они напрасно думают, что они свободны. Истинная свобода – о которой тебе так красноречиво толковал Лохидзе – заключается совсем в другом, не в тех принципах «Свобода, равенство, братство», что так фальшиво звучали в его устах, а в нашем внутреннем духовном мире, в правильном осознании свободы для нас самих, и в том, какими поступками мы будем оправдывать эту свободу.

Сафронов умолк.

– Ему, скорее, следовало бы читать лекции с кафедры, а не...

– Не хочу о нем. Это старый лис, и с ним все мы решили... А вот ты для меня по-прежнему остаешься загадкой.

– Я? Почему?

– Не прикидывайся. Ты стал совсем другим человеком. За какие-то полгода из юноши-повесы, обожающего ночную жизнь, и отъявленного плейбоя ты превратился в женатого человека, лихо управляющего семейным бизнесом... Но не это главное! В тебе изменилось другое – твоя душа. Твои мысли совсем иные, они не похожи на того безответственного парня, который еле сдавал экзамены на первом курсе...

– Я не отрицаю, но...

– Но ты скрыл от меня некоторые важные вещи...

– Какие же?

– Ты слишком увлекся идеями благотворительности и кое-что сделал, не посоветовавшись со мной.

– Я обещаю впредь этого не делать, однако...

– Дорогой мой, ты пока еще не приобрел веса, реального веса в обществе...

– Но я приобрету нужное влияние.

– Я хочу обсудить с тобой один проект. Мне важно твое согласие. Я осведомлен, что ты строишь планы насчет нефтяного бизнеса, но послушай, что я скажу. Точнее, чтобы тебя убедить я обращусь немного к истории. История – это ключ ко всем неясностям и загадкам.

– Истории чего?

– Истории всего человечества.

– Я не понимаю.

– Охотно верю. Но я скажу кратко. Александр Македонский выигрывал битвы благодаря знаменитым фалангам, римляне имели своих преторианцев; когда бывало совсем худо, они назначали диктаторов. Такими были Сулла и Калигула. Наше время сейчас мало чем отличается от тех времен. Стремления людей остались прежними. К чему я веду? К тому, что власть зависела от военных, от опытных полководцев. Если даже забыть гения Наполеона, то пример нашей страны...

– Но это диктатура, – пытался возразить Белосельский.

– Не перебивай, – полковник закурил кубинскую сигару. – Чтобы ты сказал, если бы узнал, что мы хотим создать таких «преторианцев», только современных, молчаливых, исполнительных, имеющих своего мудрого главу, который будет заботиться о благе всего государства?

– Я бы хотел с Вашего позволения узнать, кто это «мы»? – холодно спросил Белосельский.

– Мы – это я сам, мой сын и нынешний министр обороны.

– Что за «преторианцы»?

– Это я образно их так назвал. На самом деле речь идет о создании крупного военного агентства, секретной организации при министерстве. Формально руководить таким агентством будет министр обороны, а реально оно будет в руках двух-трех человек, очень влиятельных. Агентство будет обладать мощнейшим потенциалом – оно сосредоточит в руках всю спутниковую связь, что позволит контролировать «упрямые» телеканалы, зарвавшихся журналистов-правдолюбов; кроме того, агентство сосредоточит в руках огневую мощь, основанную на самых совершенных разработках; мы привлечем лучшие умы, талантливейших ученых, выдающихся фанатиков. Я знаю, для этого понадобятся миллиарды, но зато эта структура станет контролировать все и всех. Каждый политик будет на виду; малейшие инакомыслия будут искореняться. Как тебе идея? Это лучше, чем утопия Кампанеллы или Томаса Мора? Ты молчишь?

Белосельский задумался.

– Кто будет руководить этим агентством?

– Реально – я и еще два генерала. Триумвират, как сказал бы Октавиан Август. Переговоры уже проведены. Министр согласен. Дело только в финансировании. Зато мы обречем такую мощь...

– Поэтому Вам нужен я.

– Дорогой мой, ты не считай меня сумасшедшим. Я ведь тоже могу видеть будущее. Ты никогда не станешь миллиардером, если не будешь обладать реальным влиянием. Твои враги тебя должны бояться. Это агентство может стать для тебя не только спасением, но и неплохим плацдармом для взлета. Все, что нужно, как я сказал, стартовый капитал...

– Вы хотите, чтобы я Вам помог вырастить монстра, который в самом зародыше представляет собой угрозу для многих.

– Ты размышляешь как неразумный юноша. Истинная власть всегда была у военных. Почитай историю. Именно те, кто завоевывал страны, те талантливые полководцы, которые покоряли мир, всегда опирались только на военную силу. Другого не надо в этом мире.

– Я должен подумать.

– Нечего размышлять, – Сафронов разгорячился и схватил молодого человека за локоть, – ты не понимаешь. Сейчас идет война силовиков. Каждый намерен уничтожить друг друга. Создание агентства уравнивает баланс. Ты думаешь, что тебя защитит твоя охрана? Твой Виталий? Этот глупый пес и его парни? Это смешно! Если у тебя нет спутника слежения, ты словно мышь в поле, и коршун тебя видит.

– Вы правы, но...

– В перспективе ты сам войдешь в состав директоров, вместе с моим сыном. Вам, молодым, принадлежит будущее. Ты должен принять правильное решение. Пойми, многие уже хотят от тебя избавиться. Твое спасение только в моем проекте. Иного выхода нет. Это лучший исход...

– Это что касается меня и Вашего сына... Я понимаю... Но каковы последствия создания такого агентства для общества?

– Ты сперва подумай о себе, а не о других. Люди сами о себе позаботятся.

– Я должен еще раз все хорошенько взвесить.

– У тебя есть срок до завтра. Нужно немедленно начать финансирование. Одна закупка некоторых секретных образцов стоит более двадцати миллионов долларов, кроме того, еще эти ученые – эти гении – себя дорого ценят, но зато от них есть толк.

– Я дам ответ завтра, – заключил Белосельский. – Возможно, что это лучший вариант, как Вы говорите, но нужно думать о последствиях. В конце концов, агентству могут не дать развиваться.

– Этого не будет. Министр будет у власти как минимум пять лет. А мы за три года создадим такую мощную основу, что с нами никто не сравнится. Через десять – пятнадцать лет агентство сможет уже вмешиваться в политику, не говоря уже про экономику.

Молодой человек простился с хозяином дома немного более холодно, чем обычно.

– Как поживает полковник? – несколько развязано спросил Виталий, распахивая дверцу машины перед хозяином.

Белосельский взглянул на него так красноречиво, что «верный цербер» потупил глаза.

Глава 13. Приемные дети

К трехэтажному дому, выстроенному из красного кирпича, вела засыпанная песком тропинка. Справа от тропинки находился неказистый гараж, где одиноко скучала выпачканная глиной старая «Ауди»; слева шпалерами выстроились теплицы; видимо, хозяева дома были заядлыми садоводами. Все это Белосельский увидел, когда совершенно свободно ступил на крыльцо. Дом казался покинутым. Он позвонил. Никто не отозвался. Наконец, после долгого ожидания, когда Белосельский уже начал терять терпение, дверь открыл бородастый мужчина лет сорока, в засаленной рваной майке, протертых джинсах и весьма невежливо осведомился о цели визита незнакомца. Белосельский сначала несколько секунд всматривался в лицо владельца дома, и, чувствуя, как растет его тревога, произнес:

– Где Ива и Милош?

– Кто Вы такой? Из инспекции, что ли? Они уже были у нас недавно.

– Я повторяю еще раз: где дети, которых Вам доверили?

Мужчина, смекнув, что гость непростая «птица» решил сменить тон на более любезный.

– А, это Вы их привезли тогда... мне говорили... С детьми все в порядке... можете сами убедиться.

Последние слова человек произнес не совсем уверенным тоном. Беспокойство Алексея росло с каждым мгновением. Предчувствие никогда его не подводило.

– Покажите мне детей.

И не дожидаясь приглашения хозяина дома, Белосельский, почти оттолкнув его, вошел в прихожую и стал осматривать дом. Везде царил страшный беспорядок; в комнатах были всюду разбросаны вещи, вперемешку с едой и садовой утварью; в гостиной на столе виднелись неубранные миски, издававшие неприятный запах.

– Моя жена уехала с ними... на прогулку!

– Какую еще прогулку?

Белосельский, видя, как «достойный» отец семейства опустил глаза, схватил его за грудки. Тут он уловил резкий запах спиртного.

– Я слушаю!

– Стойте... стойте... что Вы делаете? Я сейчас вызову милицию!

– Я последний раз спрашиваю, где Ива и Милош?

И он приподнял «заботливого папашу» в воздух как шар.

– Хватит, хватит... я скажу... скажу... я тут ни при чем... это моя жена... отпустите!

Белосельский поставил его на землю и дал глотнуть воздуха.

– Моя жена... У нее последнее время плохое настроение, она лечится от депрессии, принимает препараты... А Ива с утра ее рассердила...

– Где Ваша жена?

– У доктора.

– А Ива?

– Девочка с утра капризничала, и моя жена заперла ее в чулане вместе с братом...

– Вы заперли детей в чулане?! – Белосельский вскричал с такой страшной силой, что мужчина повалился на колени и закрыл уши руками.

– Я ни при чем... это все жена... это все она...

– Если хоть один волос упадет с головы детей, Вы пойдете под суд. Я обещаю это Вам твердо... Где чулан?

Белосельский схватил незадачливого хозяина дома за шиворот и потащил во двор.

– Я покажу, покажу... только не бейте!

– Сколько они там?

Мужчина молчал. Он показал амбар, находящийся на другом конце дома. Вскоре Алексею предстало жуткое зрелище: в полной темноте можно было различить детские глаза.

– Ива, Милош!

Он с невыразимой радостью обнял хрупкую девочку, так, словно был для нее настоящим отцом.

– Я тебе говорил, Ива, – серьезно произнес мальчик, – Алексей вернется. Он не бросит нас. Я же говорил. Я это знал, чувствовал.

Они вышли на воздух.

Ива по-прежнему молчала. Белосельский обратил внимание на то, как плохо она одета – в свитере с дырками и легкой юбочке. Его сердце переполняли возмущение и гнев.

– Почему ты молчишь, дитя мое? – спросил Алексей Иву.

Девочка посмотрела ему прямо в глаза, и он увидел в них такую боль невысказанных страданий, что все в нем невольно сжалось.

– Ты ведь уедешь опять? Бросишь нас? Отдашь в другую семью?

Белосельский ощутил, как к горлу подступает такая теплая волна умиления, какую он еще никогда не знал. И это чувство подобно наводнению захватило все его существо. Затем его глаза вспыхнули, и внезапно он присел на корточки рядом с девочкой, обнял ее и прижал к своей груди.

– Нет, я больше не уеду никогда. Больше мы не расстанемся. Я не могу вас доверить никому. Я купил большой дом. Конечно, я женат, но в доме хватит места всем.

– Это правда? – Ива почти не верила. – Вы не обманываете?

– Отныне можешь говорить мне «ты»... Я клянусь, что так и будет. Я буду заботиться о вас. Конечно, я не смогу вам заменить родителей...

Эту сцену прервала супруга хозяина дома, чья громадная машина, походящая на гигантского паука, въехала на лужайку перед домом.

– Она била нас, – тихо произнес Милош.

Белосельский выпрямился во весь рост и шагнул навстречу хозяйке дома. А та еще не могла понять, что происходит.

– Что Вам нужно? Как Вы попали сюда?

– Я забираю Иву и Милоша. Вы не можете не только стать хорошими родителями, но и даже решить собственные проблемы. Дети поедут со мной, я сам буду заботиться о них. Вы жалки и ничтожны. Не вздумайте чинить какие-либо препятствия – я, Алексей Белосельский, могу раздавить вас как мух, так что молитесь, чтобы я этого не сделал. Ибо я прощаю вас ради этих детей, иначе вы понесли бы страшное наказание. Прощайте.

Однако хозяйка дома, очевидно, не вполне уразумев, что происходит и не желая мириться с подобной потерей, кликнула на помощь мужа, а тот, схватив деревянный брус, кинулся на Белосельского. Стараясь сделать так, чтобы безумец не задел детей, Белосельский не тронулся с места, и мужчина с удивлением увидел, что деревянный кусок раскололся как хрупкая тростинка, ударившись о плечо Алексея. Наш герой схватил хозяина дома и оттолкнул от себя – бородач вышиб лбом стекло и остался лежать без движения. Женщина принялась звать на помощь, но Алексей уже уходил вместе с детьми.

Из соседних домов привлеченные шумом высыпали соседи, но Виталий взвел курок пистолета, давая понять, что шутить не намерен. Это охладило пыл самых разгоряченных.

Белосельский бережно усадил Иву и Милоша на сиденье джипа и приказал немедленно ехать. Вскоре злополучный дом оказался позади.

– Сколько же это продолжалось?

Ива промолчала и закрыла глаза. Детскому сердцу иногда трудно ощутить счастье. Дети переносят его по-разному. Иногда бурно смеются или прыгают. Иве была свойственна застен-

чивость и хладнокровие. Но она понимала, что зло осталось позади и не опалило ее своим огненным дыханием. Милош же горел желанием рассказывать.

– Это началось спустя две недели... Она сначала хорошо к нам относилась, а потом... потом...

– Я тогда был довольно далеко и ничем не мог помочь. Все равно я виноват. Я не знал. Клянусь, что я не знал, но я должен был предвидеть... И как вы все это терпели?

Милош не ответил.

– Ты правда нас не бросишь? – спросила девочка таким доверчивым голосом, что у Алексея невольно выступили слезы на глазах.

– Конечно нет. Я же дал слово.

Ива внезапно крепко взяла его ладонь своей крошечной рукой и поцеловала.

Он провел руками по ее темно-каштановым волосам.

– Ты вырастешь замечательной красавицей... Кстати, Милош...

– Да, дядя...

– Можешь называть меня «дядя»... Я хочу научить тебя защищать сестру. Ее больше никто не обидит. Понятно? Ты должен это уметь.

– Ты правда меня научишь?

– Да. Но придется потренироваться. Это твой долг.

– Согласен.

Милош просиял.

– У вас всегда будет все самое лучшее, лучшее образование, лучшие учителя... только вот станете ли вы теми, кем должны стать? И смогу ли я вырастить из вас достойных и чело-
веколюбивых людей?

Последние слова Белосельский произнес так тихо, что дети не услышали.

Машина въехала во двор элитного дома в центре Москвы.

– Подождите здесь, – сказал Белосельский Иве и Милошу, – я должен поговорить с женой. Только пять минут.

Он поднялся на лифте, прекрасно сознавая всю серьезность положения. Он не ошибся. Елена была в ярости. Она пребывала в дурном настроении еще с утра, а как только муж ей сообщил о детях, она пришла в такую ярость, что принялась крушить вазы, украшающие гостиную.

– Так это твои дети, получается?

– Нет, послушай...

– Ты лгал мне!

– Это дети, которых я забрал из Косово.

– То есть ты хочешь их воспитывать?

– Да... и не только я... Я найму гувернантку.

– Ты принял это решение за меня? А я не согласна. Я никогда на это не соглашусь, никогда! Ты вернешь этих детей или между нами все будет кончено.

– Я женился на тебе не для того, чтобы слушать скандалы. Ты меня понять не желаешь. И вообще, мне последнее время не нравится твое поведение и отношение ко мне...

– Ах так?! Хочешь меня бросить?

– Я хочу сказать, что я сыт по горло твоими истериками и ревностью. Мне это надоело. Я купил дом. Он достаточно большой. Там всем хватит места. И Иве, и Милошу, и тебе.

– Нет! Слышишь, нет! Ты изменил мне!

Она ударила его по лицу.

– Прекрати и возьми себя в руки!

– Я все равно против. Детей этих я не приму никогда!

– Хорошо. Когда остынешь, позвони. А сейчас я не желаю с тобой разговаривать.

– Если ты уйдешь сейчас, то между нами все будет кончено.

- Елена...
- Только попробуй уйти.

Он увидел, что ярость завладела его женой с такой силой, что бесполезно ее убеждать. В таком возбужденном состоянии, в котором находилась девушка, было очевидно, что даже самые веские доводы бесполезны. И пока он спускался вниз на лифте, в нем внезапно созрело еще одно решение.

- Вы что-то быстро, шеф, – заметил Виталий.
- Я, скорее всего, разведусь, – отвечал тихо Белосельский, и уже громче прибавил:
- Ну что, дети, едем смотреть дом?
- Ура! – вскричали Милош и Ива.

Машина свернула на Лесную улицу, чтобы объехать гигантское скопление машин.

* * *

– Тебе нравится здесь, дружок? – мягко спросил Белосельский, видя, что Милош так же, как и в первый день с интересом разглядывает гигантские шкафы, немного похожие на пчелиные соты, украшающие стену гостиной.

- Какой большой дом, тут заблудиться можно...
- Не такой уж большой, а Иве нравится? Я не видел ее с утра...
- Она еще спит... я заходил к ней утром.

– Милош, – Белосельский посадил ребенка к себе на колени, – ты должен заботиться о сестре как и раньше. Помни об этом. Кстати, занятия мы начнем очень скоро, когда нам оборудуют зал. Скорее всего, у нас не будет четкого расписания, я ведь буду часто занят, постоянно в разъездах, в командировках... Я не знаю, как вас воспитывать. Наверно, это будет непросто. Кстати, немного позже вы должны с Ивой начать посещать школу, точнее, колледж, а потом институт. Я сначала думал нанять вам домашних учителей, но потом решил, что это плохо. Нельзя вести затворническую жизнь. Я постараюсь, чтобы вы забыли некоторые вещи... некоторые эпизоды из вашего прошлого. Но вы быстро освоились, почти прекрасно говорите по-русски, все понимаете, все улавливаете. Ведь от вас ничего не скроешь. Вы с Ивой смысленные дети... Удивительная вещь – детские глаза. В них отражается весь мир, все ощущения, все переживания, вся радость... Жаль, конечно, что я не могу посвящать вам много времени, но все-таки пока я могу нанять кого-нибудь, кто бы за вами присматривал здесь, в доме, пока я буду отсутствовать.

- Вы опять уезжаете, дядя?

– Ненадолго, я могу отсутствовать несколько дней, но потом обязательно вернусь. Давай только договоримся так. Как-никак вы все-таки дети и еще не вполне способны сами отвечать за себя, тем более вы несовершеннолетние. Я думаю, поступим так: вы можете спускаться к завтраку часов в девять, затем обязательный обед в два часа, ну а ужин вечером. Иногда я смогу ужинать вместе с вами. Моя *femme de charge*⁵ проследит, чтобы вы не остались голодными. Ну а если захотите есть, ты же знаешь где кухня...

- Конечно, дядя, хоть дом и большой, но я почти наизусть выучил его.

– Теперь насчет баловства. Давай сразу договоримся так – я сейчас говорю с тобой, как с взрослым мужчиной... ты ведь взрослый мужчина?

- Конечно.

Милош презабавно выпятил грудь и его ответ звучал вполне убедительно.

– Так вот, я знаю, что дети любят шалить, бегать, беситься. Это вполне нормально, и было бы странно запрещать это. К счастью, дом большой, и ты сам видишь, сколько у тебя в

⁵ Экономка (перевод с фр.)

комнате игрушек, как и у Ивы. Разумеется, ты можешь с Ивой изучить все другие комнаты, потому что, как я сказал, это и ваш дом тоже. Но есть моя комната – спальня и мой кабинет. Туда лучше не ходить, просто я люблю у себя образцовый порядок и вообще в этом смысле я педантичен и шепетилен. Я очень вас прошу ничего там не трогать.

– Я все понял, дядя.

В эту минуту по винтовой лестнице спустилась Ива. На ней было превосходное модное розоватое платье, немного оголяющее изящные плечи. Волосы у Ивы были распущены, голубые невинные глаза по-прежнему смотрели с детской доверчивостью; она походила на доверчивую голубку, прилетевшую погреться у камина и поклевать съестные зернышки.

Белосельский поцеловал прелестную девочку в лоб и усадил рядом с собой.

– Тебе нравится твоя комната? Я велел, чтобы привезли много подарков и игрушек. Если не понравится в наших магазинах, я могу заказать в Париже.

– Мне все очень нравится, правда.

Ее голос звучал так мелодично и проникновенно, что ласкал слух своей неповторимой мелодией.

– Я как раз рассказывал Милошу распорядок дня, про обед и про ужин.

– Я не голодна, – искренне призналась Ива. – Можно я задам вопрос?

– Конечно.

– Я могу гулять в саду?

– Конечно, только лучше через несколько дней. Там еще кое-что нужно переделать.

Садик небольшой...

– В нашем доме был сад...

– Да, конечно, Ива, сможешь... Только я прошу вас обоих об одном...

– Слушаю, дядя.

– В доме можете шалить как угодно, а вот в саду лучше не прятаться. То есть не играть в прятки, не взбираться на деревья. Все пространство там тщательно охраняется моими людьми. Хоть они и в курсе всего, все равно ночью туда не ходите, если вдруг вам захочется сделать ночную вылазку. Пока я прошу вас придерживаться той программы, которую я наметил...

– А потом? – внезапно спросила Ива.

– Потом, – отвечал Белосельский, – вы будете ходить в школу, а затем в институт.

– Мы уедем отсюда?! – в глазах девочки внезапно отразился испуг.

– Конечно нет.

Ива перевела дух.

– Почему ты так решила? Шофер будет отвозить вас в школу и забирать оттуда.

– Мне рассказывали о школах-интернатах, о детях, которые живут и одновременно учатся в закрытых...

– Нет, Ива! Я повторял и повторяю: это ваш дом. И не только на словах. Когда вы чуть подрастаете, то поймете, почему я так говорю.

Он умолк.

– Я не очень хочу в школу, – наконец произнес Милош.

– Рад, что ты говоришь это так откровенно. Ведь мы условились всегда говорить правду.

Кстати, дети, знайте, что я всегда вижу, кто лжет, а кто правдив.

– Как это?

– После одного случая в моей жизни, одного эпизода, который изменил меня, мою сущность, я могу различать правду и ложь как свет и тень. Я словно вижу это в человеке. Это трудно объяснить. Я чувствую это как ты, например, ощущаешь, как утренний луч солнца будит тебя, или как пчела, пролетая, пугает своим жужжанием... Это мой дар, и одновременно бремя... Будьте всегда правдивы. Искренность я ставлю на первое место среди добродетелей.

– А когда мы пойдем в школу?

– Я думаю, после Нового года. Пока что вы заслужили небольшие каникулы. У вас всегда будет все самое лучшее – игрушки, одежда... Когда вы станете старше, мы поговорим о других вещах... только вот...

– Только что? – пытливо спросила Ива, поправляя кокетливый шелковый бант на левом плече.

– Только давайте не ссориться друг с другом и со мной. Я знаю, это трудно. Давайте стараться не обижаться друг на друга. Уважение – это очень важное качество. И я хочу это качество привить вам. И еще одна вещь...

– Какая, дядя? – тихо спросила девочка.

– Может, конечно, это покажется немного странным, что я говорю это детям. Считается, что у вас еще сознание и мозг не совсем готовы к потрясениям, но вам пришлось вынести немало... Я дал одну клятву. Я выполню ее, когда придет время. Тот человек не уйдет от возмездия. Даже если придется ждать десять лет, я найду его.

И на лице Алексея появилось страшное, почти мрачное выражение, а глаза засверкали огнем ненависти. Впрочем, через минуту он произнес:

– И последнее, если возникнет что-нибудь совсем срочное, вот мобильный телефон. Мало ли что может быть. Вы же маленькие дети. Как сказали бы французы – «à tout hazard»⁶.

– Как ты сказал? – воскликнул Милош.

– Обязательно выучишь французский, и ты тоже, Ива. Всякий культурный человек должен знать не менее двух языков.

– А сколько знаете Вы, дядя? – наивно произнесла девочка.

– Ты можешь всегда говорить мне «ты», – он погладил ее длинные каштановые волосы и прикоснулся к ним губами.

– Я еще хотела спросить про... про Елену...

Белосельский промолчал.

– Это трудно объяснить. Когда повзрослеете, то поймете.

Он встал, немного смущенно простился с детьми и вышел во двор, где его ждал верный страж.

⁶ На всякий случай (перевод с фр.)

Глава 14. Логика Елены

Елена от природы была самовлюбленной капризной красавицей, уверенной в своей собственной красоте, неотразимости и непогрешимости. Выйдя замуж за Белосельского, она частично удовлетворила свою гордость: ведь ее мужем стал один из богатейших людей Москвы; молодой, привлекательной, готовый, на первый взгляд, носить ее на руках всю жизнь. Ее чувство к мужу, тем менее, было несколько второстепенным, если сравнить его с жадной роскошной жизни, постоянными походами в фешенебельные рестораны, неустанными покупками бриллиантов, шляпок и платьев. Некоторое время она искренне наслаждалась сознанием того, что ей завидуют все подруги и почти весь мир. Однако уже в свадебном путешествии проявился характер Алексея: разумеется, он шел на уступки жены, старался быть предупредительным, участливым, но на этом заканчивалось его благодушие. Когда речь доходила до принятия решений, он хотел главенствовать, не уступая ей ни пяди. В глубине души Елена упрекала мужа в непримиримом упрямстве и ярко выраженном эгоизме. Так она впервые поняла, что ее власть над ним не безгранична. Вначале это ее так задело, что она всем своим существом пыталась протестовать: делала вид, что обижена; не разрешала себя поцеловать. Белосельский сохранял известную выдержку и незаурядное спокойствие. И он оказался прав: еще в Париже она ему сдалась, на милость победителя. Те подарки, которые он ей купил, превзошли самые ее смелые ожидания. Но затем вновь бездна непонимания разверзлась между ними, и они вновь потонули в пучине ссор и размолвок.

Самым серьезным был вопрос с жильем. Белосельский купил дом и взял туда чужих детей, с которыми не был связан ни кровным родством, ни каким еще либо образом, если не вспоминать чудовищную поездку в Б***, одна мысль о которой приводила ее в ужас. И он еще хотел заставить ее жить в этом доме. Само собой разумеется, что Елена отказалась. Алексей видел, что ему никак не удастся убедить жену жить рядом с ним, и он уже был готов пойти на уступку – согласиться на ее трехкомнатную квартиру в центре, а в поместье он мог бы наезжать время от времени. Но так он нарушил бы слово, которое дал Милошу и Иве. А он не мог себе этого позволить. С другой стороны, Белосельский явно видел, что они с Еленой, по сути, совершенно разные люди, и, скорее всего, не смогут жить вместе. В глубине души он уже жалел, что женился на столь тщеславной, эгоистичной и своенравной девушке. Ему нужно было встретиться с ней и все решить. И однажды зимним вечером, когда стоял довольно сильный мороз, он появился в ее квартире.

– Сколько мы не виделись уже? – иронично спросила жена. – Но тебя это, видно, мало волнует.

– Я тебе звонил все это время, и раньше звонил, ты знаешь.

– А я, по-твоему, должна была все эти месяцы тебя ждать, сидеть здесь, скучать в одиночестве и гадать: не снизойдет ли на тебе озарение? Да, именно озарение.

– Не надо так говорить...

– Я выскажусь до конца. Ты предполагал, что найдешь девушку поникшую, утомленную, сломленную, которая соскучилась по тебе? Так или нет?

Он молчал, глядя ей в глаза, и видел в них словно замершее море.

– По-твоему, у меня больше увлечений нет, как ждать, пока ты соизволишь явиться ко мне и пытаться все исправить? Ты, наверно, забыл, что у меня имеются подруги, друзья...

Она пыталась вызвать ревность, но Белосельский был спокоен. Видя, что ей не удалось эта уловка, она прибавила с большей обидой:

– Я что, дура, по-твоему? Мне предложили контракт с лучшим модельным агентством Москвы. Все мной восхищаются! Все до единого, кроме тебя!

Она бросила этот упрек, думая вывести Алексея из состояния равновесия, но он остался невозмутим.

– Я рад от всей души твоему успеху.

– Зато я не рада твоим поступкам... Кстати, ты мне так и не объяснил, откуда вообще взялись эти дети? Твой охранник же пристроил их в семью? Зачем ты их оттуда забрал?

– Откуда ты знаешь, что сделал он? А, Виталий тебе сказал... У него слишком длинный язык.

– Я тебя просто не понимаю. Твои поступки сбивают меня с толку. Раз ты поступаешь именно так, то и я буду принимать те решения, которые тебя не понравятся.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты никогда не думал о том, что за мной может ухаживать молодой человек? Более харизматичный, чем ты?

– Елена, если ты хочешь вызвать мою ревность, то этого не будет. Видишь ли, ты забыла: я различаю правду и ложь. Никакого молодого человека нет. А вот то, что ты флиртуешь направо и налево, это я вижу ясно. Если ты желаешь, то такой человек, конечно, появится. Но я пришел не ссориться. Я пришел спросить тебя еще раз – готова ли ты пойти на примирение?

– Конечно, я хочу с тобой помириться. Правда, хочу, – она подошла к нему так близко, что он вновь увидел притягательный изящный овал ее губ, – я этого всегда хотела. Я готова тебя простить. Переезжай ко мне. И все будет как раньше...

– Но...

– Ты угадываешь мои мысли. Но ты вернешь детей, чтобы я никогда их не видела.

Она попыталась обнять его за шею, но он резко высвободился.

– Этого не будет никогда. Если даже я буду жить тут с тобой, Ива и Милош останутся в особняке.

– Значит, ты предпочитаешь их мне?

– Я же буду здесь жить с тобой, нам никто мешать не будет.

– Ты их вернешь или...

– Или мы не договоримся.

Он смотрел в ее глаза и видел непреклонное решение. Есть слова, которые определяют судьбу. Белосельский видел ясно, что пойдя он на уступки, ничего не изменится.

– Знаешь, я не хотел тебе этого говорить, – начал он, – но, скорее всего, мы действительно не подходим друг другу.

– Да? А когда ты это понял? Зачем же ты тогда на мне женился? А я тебе скажу: ты показал свое истинное лицо в Париже, когда оставил меня одну, в той мерзкой дыре.

– Это было очень романтическое местечко.

– Вместо пятизвездочного отеля, прекрасного ужина и классической музыки я побывала в аду.

– Не преувеличивай, у меня были дела...

– Так вот, тебе нужно было жениться на своих «делах», а не на мне! Но я и без того давно заметила, как ты любишь и ценишь на самом деле. Я таких унижений не потерплю. Отец меня лелеял с детства. Я думала, что дорога тебе... Но отец был прав насчет тебя, жаль я ему не поверила. Ты ничтожество, моральный инвалид, мелочная душонка. И все эти твои благотворительные общества, и вся твоя миссия – это бред сумасшедшего. Ты болен! Да, ты болен! Та авария сделала тебя просто нездоровым, и если у нас родятся дети, они будут сумасшедшие!

– Что ты сказала?

– Ничего...

Он схватил ее за руку.

– Дети, так ты...

– Нет, ну что ты! Одна мысль об этом мне противна. После того как ты так со мной поступил... мысль о том, что ребенок нас может связать, вызывает у меня отвращение... от такого, как ты... Я не то хотела сказать, я просто выразила уверенность, что если бы у нас были дети, я бы тебя к ним не подпустила. Ты болен, тебе требуется помощь. Отец уверяет, что ты фанатик. И я теперь так же считаю.

– Что ж, я сделал все для нашего примирения; я даже согласился на эту квартиру – и все ради тебя. Но теперь я ясно вижу, что тебе нужен не я сам, а тебе важно почувствовать свое главенство. Я тебе никогда не высказывал свое мнение на супружество. Это верно. Так вот, я считаю, что решения всегда принимает мужчина, а девушка должна подчиняться... если, конечно, она любит его и уважает!

– Я не подчинюсь тебе никогда. Ты говоришь как деспот. Но ты бессилен против меня. Уходи, я не хочу тебя видеть.

– Неужели мы так расстанемся? Подумай еще раз.

– Если ты изменишь свое решение...

Он умолк на мгновение.

– Ты знаешь, что я не изменю своего решения.

– Даже ради меня?

Она высвободила свою руку из его ладони и отпрянула от него. На ее лице возникло такое неприязненное выражение, что в душе он содрогнулся. Теперь она стояла перед ним такая недоступная и неумолимая, как скала. Ничто уже не могло смягчить ее.

– Не забудь, что это был твой выбор, а не мой.

– Я могу сказать то же самое, – парировала Елена совсем другим тоном.

Это был чужой, холодный голос женщины, которая так и не стала ему близким человеком, которая так и не смогла понять его. Уходя, он даже не посмотрел ей вслед; внутренне он настолько отдалился от Елены, что едва мог припомнить самые лучшие мгновения с ней: первые наивные признания, смешные клятвы, и вот, такая грустная концовка. Но Белосельский был не из тех людей, кто находит утешение в меланхолии. Могучие телом и духом находятся в постоянной борьбе со всем миром, они постоянно сражаются, и в этом истинном бою черпают силы для дальнейших свершений.

– У нас еще работы непочатый край! – нравоучительно заметил Белосельский Виталию. – Точные инструкции получишь позже.

Глава 15. Отблеск прошлого

Марина не видела брата довольно давно. Прошло почти полгода. И теперь, когда она увидела Белосельского, на ее губах заиграла неподдельная улыбка. Искренность! Сейчас ему хотелось ощущать чистые чувства, без примеси эгоизма, пошлости и всех волнений. Он знал, что сестра простила его и теперь полностью разделяет с ним некоторые убеждения.

Разговор происходил в том самом коттедже, в который Белосельский однажды вломился с такой бесцеремонностью. Теперь Марина с легкой улыбкой вспоминала это.

– Ты уверена, что тебе тут нравится? Давай я тебе помогу приобрести дом.

– Нет, Алексей, не надо... Моему сыну здесь нравится, здесь более чистый воздух, чем в городе. Да и я сама привыкла к этому месту.

– Хорошо, просто мне хочется быть чем-то полезным моей любимой сестре.

Она обняла его за шею.

– Да, я знаю. И я благодарна тебе... Еще хочу сказать, что восхищаюсь тобой.

– Правда? Ты первая, кто мне это говорит... обычно я встречаю лишь презрение и насмешки.

– Тебя не понимают... Я слышала про открытие благотворительного фонда, про начатое тобою строительство...

– У меня еще много планов.

– Я не сомневаюсь, что тебе все удастся... Однако...

– Однако что?

– Ты сам знаешь, Алексей, что тебе нужно быть осторожным. То, что ты делаешь, вызовет резкий протест... Одного Виталия для твоей охраны недостаточно.

– Это так! Но не волнуйся! Мой знакомый полковник уже возвращает монстра, который якобы будет меня защищать...

– О чем ты? Что за «монстр»?

– Это будет новая страшная военная организация... агентство... Неважно... Но я приму твой совет. Я не стану пренебрегать безопасностью. Поверь, что я все правильно рассчитал. Твои страхи необоснованны.

– Я хочу, чтобы ты знал, как ты мне дорог.

– Каждый человек должен следовать определенной цели в жизни, для меня это моя миссия. Она часть моего сознания, часть моей души.

– Да, я это поняла, и этой цели ты посвятишь всю свою жизнь. А ты когда-нибудь думал о том, что было бы, если бы не та авария?

– Иногда... хотя, признаться, я плохо это себе представляю.

– Ты был бы черствым, надменным и не желал бы иметь со мной ничего общего.

– Не знаю... Но я уверен, что никто не избежит своей судьбы.

– А как твоя жена?

– Мы поссорились.

– В чем же причина?

– Видишь ли, мы осознали, что мы разные.

– Так скоро осознали? Это ее или твое решение?

Белосельский промолчал.

– Все несколько запутанно.

– Она хотела, чтобы я стал подлым в моих собственных глазах.

– Как же так?

И он рассказал ей про Иву и Милоша. Марина была удивлена.

– Это благородный поступок, да... но... но как же ты будешь воспитывать этих детей? Тебе будет сложно. Ты же не знаешь, как обращаться с детьми. Может, им было бы лучше в приемной семье?

– Одна семья их приютила, обогрела, а затем заперла в чулане за какую-то провинность, – возразил Белосельский.

– Это ужасно... да, да, я понимаю твой порыв... но а если ты подберешь другую семью... ведь столько...

– Прости, но больше я не верю никому. К тому же я дал слово Иве и Милошу, что не брошу их. Доверить их я больше никому не могу.

– Я понимаю те чувства, которые испытала твоя супруга.

– Вот вы, женщины, всегда свои чувства ставите на первое место, совершенно забывая, что кроме чувств есть долг и принципы.

– Это упрек? – с легкой улыбкой произнесла Елена. – Ни одна в мире девушка не потерпит подобного обращения.

– Я принял условия Елены, но она мне отказала. Поверь, она вообще не хочет идти ни на какие уступки.

– Ты потеряешь ее с таким отношением.

– Марина, я понял, что она меня не любит. Я ей не нужен. К тому же она намекала на поклонников... не знаю...

– Тебе нужно помириться с ней или...

– Или?

– Впрочем, ты, конечно, сам знаешь, как правильно поступить. Но вспомни, что речь идет о девушке, которая согласилась стать твоей женой. Вы оба на себя взяли обязательства. Вы ведете себя как подростки... Над отношениями надо работать.

– Нет, я решил, что не стоит.

– Ты уверен, что не пожалеешь?

– Уверен.

– Говоришь как-то нерешительно.

– Наоборот, я очень хорошо все обдумал.

– Значит, другая девушка?

Белосельский рассмеялся.

– Молчание знак согласия. Все мужчины одинаковые. Даже такой человек, как ты!

– Я себя не считаю идеальным образцом для подражания, но, тем не менее, смею предположить, что я не хуже многих.

– Обиделся, вижу это по твоему лицу.

– Нет же, мне важно, чтобы ты говорила искренне. Именно от тебя я готов слышать правду. В твоих устах это звучит не так жутко. От других я такого не потерплю.

– Алексей, в глубине души ты остался прежним. Вечно неугомонным, вечно ищущим что-то новое, постоянно стремящимся что-то изменить и тем не менее неизменно наталкивающимся на прежние ошибки.

– Почему же прежним... Ты не знаешь Елену, ее характер.

– Лично – нет, но представляю отлично какая она. Она не сахар, но и ты не ангел. Может быть, вы оба как раз гармонично дополняете друг друга.

Затем, видя, что Белосельский помрачнел, Марина перешла на серьезный тон.

– Любой совет давать трудно. Только вы сами сможете разобраться. Как твоя сестра я поддерживаю тебя. Только я знаю, какие душевные качества в тебе заложены. Елена не найдет их в другом мужчине... А вот нужна ли тебе такая жена – это другое дело...

– Давай о чем-нибудь другом... Ты думаешь чем-нибудь заняться в свободное время?

Марина глубоко задумалась и, встав с оттоманки, слегка приоткрыла форточку широкой веранды.

– Пока для меня важно воспитание сына. Но я вообще раньше тяготела к туризму, хотела иметь туристическую фирму... ты же помнишь? Вернее, помнил.

– Я подарю ее тебе.

– Нет, я не могу это принять.

– Но почему, разве ты не моя сестра? – спросил он с нежным упреком.

– Это так. Но я не хочу, чтобы ты из-за меня беспокоился.

Белосельский еще раз заверил Марину, что она во всем и всегда может на него рассчитывать. Привязанность между братом и сестрой – особое чувство. Оно напоминает невидимую цепь, которая даже на расстоянии превращается в нечто более крепкое и почти необъяснимое. Прошлые разногласия Марина предала забвению и предпочла не вспоминать. К тому же Белосельский переписал на нее треть акций банка, чтобы в финансовом плане сестра была обеспечена достаточно прилично. Но ведь отношения не могут ограничиваться только деньгами. Любовь к сестре – это и участие, и сопереживание, и попытки решить все ее проблемы, какими бы прозрачными они ни казались.

– Я верю в тебя. В твою миссию, как ты это называешь. В то, сколько ты сделал и еще сделаешь. Ты должен быть готов к тому, что многие осудят тебя и никогда не поймут. В тебе есть твердые непоколебимые убеждения и моральный закон в душе, который ты не нарушишь. Но это трудный путь.

Она открыла балкон, и ледяное дыхание зимы на миг влетело в теплую комнату, словно напоминая о вечной мерзлоте людского безразличия и жестокости.

* * *

Вскоре Белосельский узнал о беременности своей жены и о ее явном нежелании его видеть. Он выяснил, между прочим, что внимание к ней проявляет один бизнесмен. Но Елена не хотела развода, она лишь потребовала содержание, выраженное в миллиардах долларов. Белосельский был вынужден, что называется, «сесть за стол переговоров», но не с женой, а с адвокатом. Мужа Елена к себе близко не подпускала и, видимо, желала лишь одного – отомстить. Адвокат – хитренький седовласый человечек – походил на заведенную бездушную куклу, которая бросается репликами, но не вникает глубоко в их содержание.

– Мне поручено вести переговоры от имени Вашей жены, – произнес адвокат, заявившийся в один из дней в офис нашего героя, – я буду обсуждать только акции Вашего банка, о приемных детях я не скажу ни слова...

Белосельский смерил наглеца презрительным взглядом.

– Вы вообще когда-нибудь слышали обо мне? Ведь я могу заявиться в дом Елены без всякого предупреждения и настоять на своем силой... по крайней мере, видеть своих детей, но она знает, что такой человек, как я не сделает этого. Она пользуется моим благородством.

– Она считает, что Вы уже воспитываете своих детей, но я не вправе вести обсуждение на этот счет.

– Каковы же Ваши условия?

– Они очень приемлемые. Вы полностью передаете пакет акций банка Вашей супруге взамен...

– Контрольный пакет?

– Да, именно так, сорок девять процентов акций банка. Взамен она позволит Вам иногда навещать...

– Иногда?

– Точный график она сама составит.

Белосельский внимательно посмотрел в хитрющие глаза-бусинки адвоката.

– К таким, как Вы у меня предубеждение... Хорошо, я выполню ее условия. Но...

Он встал и подошел почти вплотную к адвокату, который, увидев, что Белосельский принял грозный вид, невольно попятился назад.

– Я сделаю, как она хочет. Банк будет полностью в ее владении. Но если Елена не выполнит то, что обещала...

Адвокат попытался усмехнуться и изобразить невозмутимость, но это ему плохо удалось.

– Когда Вы подготовите документы?

– На этой неделе, – отвечал Белосельский, – я соберу Совет директоров банка. И сообщу о своем решении...

– Чем скорей Вы сделаете это, тем...

Белосельский сделал несколько пренебрежительный знак рукой, и адвокат поспешил «испариться». После ухода «стряпчего» Алексей вызвал Виталия и сообщил ему о своем решении. «Верный пес» никогда не критиковал шефа. В его представлении Белосельский обладал способностями несомненного лидера, чьи решения никогда не могли быть оспорены (особенно если за них платят деньги). Но тем не менее он спросил:

– А если она не сдержит слово?

– Конечно не сдержит. Я уверен, что она увезет детей от меня.

– Почему Вы так думаете?

– Потому что знаю...

– Зачем же тогда отдавать банк?

– Я инвестировал в нефтяную компанию, у меня не будет времени ни на что другое. Я это делаю ради моих детей, а не из каких-либо других побуждений. Мою жену не переделать. У нее достаточно твердый характер, а уж упрямства не занимать.

– Да, таково большинство женщин, – заметил Виталий.

– Тем не менее я не сомневаюсь в правильности своего решения... Кстати, я хотел бы тебя спросить кое о чем.

– Слушаю, шеф.

– Ты не раскaiваешься, что стал на меня работать? Ведь вначале у тебя были кое-какие сомнения...

Виталий с глуповато-виноватым выражением опустил глаза и чуть подтянул ремень своих брюк, поверх которых нескромно выступало внушительное брюшко.

– Это правда... Но раз я Вам подошел... А почему Вы вдруг заговорили об этом? Я допустил какую-то ошибку?

– Нет, нет. Я тобой доволен. Дело в другом. В доверии. Ты единственный человек, которому я доверяю.

– Благодарю.

– В дальнейшем нам еще столько предстоит сделать...

– Мы побывали с Вами и на войне...

– Ты знаешь, что создается военное агентство? Я буду, по всей видимости, им руководить. Также в наше распоряжение поступят еще несколько «добровольцев». Здесь я хотел бы довериться твоему чутью...

Виталий кивнул.

– После того как Вы отдадите банк жене.

– Это ради моих детей. Инвестиции в нефть уже принесут плоды. Я не собираюсь становиться банкротом. В конечном счете я всегда в выигрыше.

Часть вторая

Семнадцать лет спустя

Глава 1. Тайный совет

В начале осени 20... года дороги Подмосковья были по-прежнему размыты и напоминали глинистые колеи проселочных тропинок. Бесконечные проливные дожди и ветры превращали осень в сплошное ненастье, как на полотнах Саврасова и Васнецова, когда чудится, что вся природа печально стонет под порывами ветра, а дождь играет печальную траурную симфонию.

Шикарный особняк, располагающийся в некотором отдалении от дороги, казалось, служил прибежищем тех, кто хотел пользоваться его гостеприимством. У ворот насчитывалось около десяти машин последних моделей; рядом – внушительная охрана.

Посторонний наблюдатель мог бы предположить, что в этом доме собрались достаточно влиятельные и богатые люди. Он оказался бы прав.

В гостиной нижнего этажа, освещенной роскошной хрустальной люстрой, находилось человек десять. Это были убеленные сединами генералы, облаченные в военные мундиры; впрочем, некоторые предпочитали смокинг; третьи – обычный костюм. Но у всех на лицах – мрачное торжественное выражение. Собрание возглавлял человек со шрамом на правой щеке.

– Господа! Я все-таки возьму на себя смелость выступить первым, несмотря на отсутствие ***, нашего заместителя министра. Его задержали, вероятно, в Министерстве, он присоединится к нам после. Наша задача – доказать ему, как он ошибается в отношении известного вам человека. Итак, прежде всего хотел бы сказать, что могу назвать Белосельского «феноменом».

– Это уже не «феномен», а серьезная проблема! – прервал другой генерал с жестокими, свирепыми глазами.

– И тем не менее придется признать это как феномен. Но все по порядку. Начну с биографии этого человека. Учился в ***, особым усердием или знаниями не отличался, выделялся, скорее, наглостью и напористостью, конфликтами. С трудом получил диплом, так как часто пропускал учебу. На курсе его помнят весьма развязным и нахальным, каким и полагается быть внуку банкира. В двадцать шесть лет дед передает ему акции «*** Банка», которые делают его достаточно обеспеченным. Во время обычных юношеских проделок – гонок по ночным улицам с такими же беспутными мерзавцами – Белосельский попадает в аварию...

– Когда это было? – переспросил кто-то.

– Ровно семнадцать лет назад, – продолжал генерал со шрамом, – вот здесь начинается самое интересное. Мы раскопали его медицинскую карту, да, и там выясняются совершенно удивительные вещи. Учитывая, как говорят, характер ран и масштабы катастрофы, он не должен был выжить.

– Бросьте, в этом наоборот нет ничего удивительного.

– Хорошо, но в карте отражены повреждения, которые были зафиксированы, но которые потом не подтвердились.

– Такое тоже часто случается.

– Тем не менее, я нашел даже врача, который уже на пенсии. По его мнению, человек должен был бы остаться инвалидом, но Белосельский выжил и встал на ноги в течение месяца.

– Не вижу в этом ничего особенного.

– После этого Белосельский порывает со всеми своими родственниками, знакомыми. Отказывается от брата и выставляет его на улицу. Он объявляет себя «Алексеем», защитником

прав людей. Он учреждает, точнее, выкупает фонд в центре Москвы, куда инвестирует почти миллион долларов. Сейчас я немного отвлекусь на его покровителя, полковника Сафронова.

– Об этом можно рассказать позже.

– Это было перед «большой перестройкой». Тогда еще наши заграничные банки были автономными. Получив задание от Сафронова, Белосельский под предлогом свадебного путешествия едет в Париж, где пытается запугивать...

– Все это дела давно минувших дней, нельзя ли ближе к его личности?

– Я отдельно потом обрисую роль Сафронова и его сына. Вернувшись в Москву с женой, с которой, кстати, он познакомился в институте, он передает банк жене. Насовсем.

– Какой банк?

Человек со шрамом произнес название банка. Присутствующие хмыкнули.

– Этот банк давно уже объединился с корпорацией В***.

– Далее начинается самое интересное. За какие-нибудь пять лет Белосельский создает международную компанию «Рашн Текнолоджи», которая разрабатывает высокие технологии и занимается модернизацией военного комплекса.

– Поподробнее про агентство, пожалуйста, на каком основании он занимает там административную должность?

– Прежде чем я расскажу некоторые вещи, которые вам до сего дня были неизвестны, я хотел бы осветить это вот под каким углом зрения... Вернемся на мгновение к Белосельскому. Он создал десятка два благотворительных фондов, построил несколько больниц, эту презренную дешевую закусную сеть... Еще небольшой дачный городок в Подмосковье, где всякие отщепенцы живут не хуже «нуворишей». Кроме этого Белосельский постоянно твердит, что он очищает общество от «чужеродных тел», которые, по его словам, наносят ущерб простым людям. В число его жертв входят бизнесмены, политики... Все знают, как он обожает участвовать в судебных процессах, где он якобы защищает интересы простых людей, а на деле все это является предлогом для обычного рейдерства. Напомню, что первой его жертвой стал друг бывшего мэра, бизнесмен, у которого отобрали землю. Белосельский лично угрожал ему расправой и вынудил подписать документы. Дальше больше – безнаказанность, к сожалению, стала той привычкой, которая позволяла и впредь совершать подобные преступления. В его «тисках» оказывались очень уважаемые люди, он никого не щадил... Он доводил их до разорения, отбирал у них почти все имущество, прикрываясь фразами о том, что все средства идут на благотворительность, но на самом деле они оседали в его офшорах.

– Цифры, пожалуйста.

– Они огромные, за один год только можно привести сотни миллионов долларов, которые были переведены на личные счета Белосельского. Зато он напоказ выставлял себя подлинным благодетелем: раздавал наличные деньги нищим. Однажды, говорят, истратил за четверть часа миллион наличными. Уже даже среди финансистов родилась такая поговорка: «Кто с утра самый богатый, а с вечера – банкрот...»

– Вы отвлекаетесь на прозу.

– Я подсчитал, что Белосельский присвоил более пятидесяти миллиардов рублей за это время, не говоря уже о том ущербе, который он причинил родственникам тех людей, которых он вверг в нищету. Он проделывает это примерно так. Если какой-либо бизнесмен или политик «переходит черту», то Белосельский сначала посылает ему визитную карточку – своего рода черную метку. Человек, получивший такое предупреждение, либо обязан изменить своим принципам, либо...

– Ближе к делу, неужели за это время никто не попытался...

– Мы подходим как раз к главному моменту. Ибо все, что я рассказал – лишь прелюдия. Сейчас объясню, по какой причине я назвал «феномен Белосельского». Дело в том, что за последние десять лет предпринимались неоднократные попытки ликвидировать этого зарвав-

шегоса выскочку, борца за справедливость. Но, к сожалению, все эти попытки потерпели неудачу. Были испробованы все средства: и наемники, и лучшие снайперы... но все без толку. Однажды, правда, он был ранен, но все равно остался жив.

– В чем причина?

– Его охраняют с особой тщательностью. И не только на земле, но и в воздухе. Доподлинно известно, что снайперы-наемники, которых мы привлекали, сообщили, что действует особая программа обнаружения. На Белосельского работают лучшие умы и лучшие профессионалы агентства, и подобраться к нему совершенно невозможно.

– Так не бывает... Вы правда привлекали профессионалов?

– Конечно, я вам покажу анализ баллистической экспертизы, сделанный по моему заказу несколько лет назад. Я нашел одного ветерана, очень искусного в своем роде. Он стреляет без промаха, его пули всегда попадали в цель.

– И что же?

– Ничего, пуля прострелила только руку, сам же Белосельский остался невредим. Но анализ траектории движения пули не поддается объяснению.

– Что Вы имеете в виду?

– Да взгляните сами, вот расчетные характеристики выстрела. Этот отчет смотрели человек пятьдесят, и все сходятся в одном мнении, что действительно тут ошибка.

– Ошибка в чем?

– Пуля изменила траекторию.

– Уважаемый Лев Михайлович, Вы пытаетесь оправдать непрофессионализм Ваших людей нелепыми отчетами и промахами старых ветеранов, которые давно списаны на покой.

– Я продолжу с вашего разрешения. Периодически на нашего «правозащитника» устраивают покушения, но он всегда выходит сухим из воды. Я не слышал, чтобы кому-нибудь удалось к нему приблизиться, если только он сам этого не захочет.

– Хорошо, а что агентство?

– Агентство и стало его основным щитом. В его распоряжении всегда находится шесть легких групп, которые оснащены сверхпрочными жилетами и фотонными винтовками.

– Что это?

– Вы не слышали? Последние наши разработки, вернее, разработки агентства. Формально в природе не существуют. На деле протестированный вариант принадлежит агентству, а значит, Белосельскому.

– Как Вы это допустили?

– Директор – сын полковника Сафронова, друг Белосельского... Но это еще полбеды. Вы в курсе новейших технологий в сфере спутниковой связи? Вы слышали о боевых зонтичных спутниках, которые способны поражать цели на километры, находясь на околоземной орбите?

– Вы шутите, генерал?

– Опять-таки, формально спутников не существует, ведь они принадлежат агентству. Но в реальности ключи доступа в руках разработчиков и Белосельского.

– Что?!

Несколько генералов вскочили со своих мест.

– Боевые спутники в его руках?

– Вы не поняли меня, генерал, спутники подчиняются протоколу. Без него их нельзя привести в действие. Все протоколы мы можем контролировать. Однако...

– Однако зафиксированы случаи, когда он обходит протокол.

– Немыслимо! Вы хотите сказать, что боевые спутники в руках такого человека? Да вас всех надо под трибунал! Как это возможно?!

Возмущению за столом не было предела. Некоторые военные повскакивали со своих мест, раздавались угрозы, брань. Наконец все понемногу успокоились.

– Министр в курсе?

– Господин министр интересуется самими спутниками и их эффективностью. А кто их заводит – это все другое дело. Но его интересуют совсем другие вещи...

– Я понимаю, но...

– Вы, надеюсь, сознаете, что обозначает для нас и вообще для многих людей владение Белосельским не только спутниками, но и фотонными винтовками?

– Именно поэтому мы сегодня должны решить, как поступить дальше. Это ставит многих людей под очень серьезную угрозу. Этот человек превратился в такую проблему, что она схожа с атомным взрывом.

– Лев Михайлович, – раздался насмешливый голос совсем рядом, – я весьма польщен Вашей оценкой, однако вынужден признать, что, может, кое в чем Вы правы.

Старый генерал осекся на полуслове и машинально оглянулся назад, слегка привстав из-за стола, но тут же застыл как статуя.

На другом конце комнаты стоял человек лет сорока, со светло-каштановыми волосами, с твердым, даже жестким профилем, волевым подбородком и удивительно спокойными синими глазами. Он был одет в безупречный светлый костюм и лакированные ботинки.

– Вы?!

Сидящие за столом военные даже привстали от неожиданности.

За спиной Алексея стоял человек, при появлении которого лица всех присутствующих сразу приняли почтительное выражение покорности, как если бы увидели Цезаря. За столом прошел шепот: «Господин заместитель министра».

Это действительно был он. Заняв почетное место во главе стола вместо Льва Михайловича, «Цезарь» произнес твердым тоном:

– Прежде всего, господа, я вам представляю Алексея Белосельского. Теперь он входит в нашу команду, так что всякие разногласия прошу отставить. (Белосельский сел за стол по знаку заместителя министра.) Лев Николаевич, Ваше сообщение, которое Вы успели озвучить, несколько устарело. Алексей Белосельский выразил готовность финансировать проект «Орион», а также прислать необходимых людей для технической консультации. Ведь все мы знаем, как важен для Министерства этот проект.

Далее чиновник представил отдельные детали «нового детища», как он выразился, и описал самыми яркими красками некоторые подробности своего личного участия; после этого он подчеркнул роль Белосельского, который продолжал хранить на своем лице выражение невозмутимого спокойствия и мягкой доброжелательности. Лев Николаевич никак не мог поверить, что ему нанесен такой удар в спину. Его враг, который занимал все его мысли, был совсем рядом! Другие же военные, привыкнув выполнять приказы, мысленно почти что приняли Белосельского в свои ряды. После совещания Лев Николаевич сделал последнюю попытку и обратился было напрямую к своему начальнику, но услышан не был.

После всех необходимых консультаций и переговоров господин заместитель министра отбыл с той же поспешностью, что и приехал. Сидящие за столом вздохнули свободнее, их реплики стали более непринужденными, даже граничащими с вызовом. Однако они твердо усвоили позицию своего шефа в отношении Белосельского, поэтому не осмеливались открыто противоречить.

– Лев Николаевич, – произнес Белосельский, – можно Вас на пару слов.

Генерал смотрел сумрачным взором. Белосельский взял генерала под руку и вышел из дома на крыльцо, возле которого толпились «церберы», охранявшие машины и высоких гостей, которые уже садились в автомобили. Они отошли от всех на пять-шесть шагов.

– Послушайте, – произнес Белосельский, – я знаю, как Вы ко мне относитесь, и поверьте, что я не питаю к Вам подобных враждебных чувств. Я по натуре незлопамятен и согласен забыть некоторые шаги... с Вашей стороны против меня.

- Оставим пустые слова! Что Вы хотите?
- Я хочу, чтобы Вы поняли меня правильно. Я отнюдь не Ваш противник. Вы напрасно так настроены. Я с удовольствием поддерживаю некоторые Ваши проекты.
- Вы хотите меня купить?
- Нет, я могу вложить деньги в Ваши проекты совершенно безвозмездно. Ведь это идет только во благо всей отрасли.
- Вам мало того, что у Вас в руках спутники?
- Лев Николаевич, Вы прекрасно знаете, что спутники мне нужны!
- Вы знаете, что Ваши действия подпадают под трибунал?
- Лев Николаевич, зачем Вы так? В моих руках должны быть определенные средства защиты, Вы же разумный человек и должны это понимать... Ведь то, что я делаю...
- То, что Вы делаете, это фанатизм, это пустая трата денег!
- Я пожертвовал три четверти своего состояния на благотворительность.
- Разоряя при этом других людей?
- Эти люди – отъявленные мошенники и преступники. И Вам это известно не хуже меня. Я никогда не слышал ни одного слова сожаления по поводу их разорения. К тому же, наказывая некоторых, я всегда стараюсь проявлять терпимость, как это и следует христианину.
- Вы взяли на себя непосильную задачу. Я не желаю с Вами вообще говорить. Вы меня не убедите.
- Я еще раз Вам говорю. Давайте заключим перемирие. Я знаю о Вашем желании прибрать к рукам наше агентство.
- Я не буду с Вами это обсуждать, – грозно заявил полковник.
- Поэтому я прошу Вас остановиться. Не нужно быть заодно с моими открытыми врагами. Многих из них ждет печальный конец. К Вам же я не испытываю никакой враждебности, поверьте.
- Такому человеку, как Вы, я не верю. Вы предатель!
- Я не собираюсь Вас переубеждать.
- Вы не обманете меня этой ширмой. Я вижу Вас насквозь. Вы – фанатик. Белосельский посмотрел ему прямо в глаза:
- Мне жаль, что Вы такого плохого мнения обо мне.

Глава 2. У себя дома

Выслушав последнее проклятие генерала, которого он так и не смог хотя бы немного смягчить, Белосельский в задумчивости сел в машину. «Да, за последнее время десятикратно увеличилось число моих противников, но среди них ни одного друга... Сколько я сделал для людей, а иногда мне кажется, что все капля в море. Я раздавал беднякам миллионы, но стали ли они счастливее? Я слышал об одном нищем, который, вообразив себя миллионером, вломился в ресторан и потребовал крепчайшего виски. Они все считают, что я нарушаю баланс равновесия в обществе. Они видят во мне инородное чудовище, от которого следует избавиться. Но так ли это? Я действительно иду вразрез со всякими принципами и разрушаю все их представления о богатом человеке. А ведь и до меня были меценаты, и общество относилось к ним терпимее, чем ко мне. Третьяков и Морозов, в сущности, были помешаны на картинах и занимались коллекционированием, Солдатенков строил дороги, Штиглиц – больницы, но всех этих уважаемых господ не стремились устранить с такой отвратительной циничностью. А что, в сущности, сделал я? Я лишь избавляю общество от худших его представителей, причем не совершая никакого преступления».

Затем Белосельский стал размышлять о более приятных вещах, о своих приемных детях. Какой замечательной красавицей стала Ива! Она превратилась в роскошную молодую леди со слегка выющимися светло-каштановыми волосами, безупречным римским профилем, розовыми бархатистыми щеками, изящными плечами, словно вылепленными римским ваятелем. Ива походила на распутившуюся лилию, которая будучи пересаженной на благодатную почву, питаемая благородными соками, радостно тянется к свету и солнцу. Он привык слышать, как девушка весело щебечет, повествуя о своих успехах в институте; ее радостный смех заставлял его иногда и впрямь думать, что она его дочь. Ива прекрасно освоилась за эти пятнадцать лет, она в совершенстве выучила русский язык, и теперь, уже получив диплом бакалавра, заканчивала обучение в магистратуре. Она оказалась немного тщеславной и самовлюбленной, как и полагается всякой красавице. Белосельский намеренно поощрял в ней эгоизм, так как помнил о ее тяжелом детстве. Все то, что он мог дать ей в материальном плане – самые дорогие модные платья, украшения, драгоценности, автомобиль с шофером – все это было предоставлено в распоряжение девушки. К восемнадцатилетию девушки Белосельский открыл текущий счет на имя Ивы, и юная воспитанница показала себя достаточно расточительной. Он не возражал, снисходительно поощряя ее капризы и подчас нелепые детские выходки. Постепенно Ива научилась разбираться в модных тенденциях одежды и заказывала самые последние коллекции итальянских и французских модельеров. Теперь, находясь на вершине общественного благополучия, она забыла свое прошлое как дурной сон и предпочитала не вспоминать его. Иве, как и всякой девушке ее возраста, хотелось развлекаться, флиртовать с друзьями из института, ездить на пикники, устраивать вечеринки и среди веселой шумной компании ярко выделяться своей красотой.

Ее брат Милош был в этом плане немного более разумным. Он тоже возмужал, как и сестра, но не превратился в законченного эгоиста и лодыря. Он помнил о чувстве благодарности к своему опекуну, поэтому с готовностью согласился поступить на экономический факультет и усердно изучать финансовое и банковское дело. Словом, это был спокойный, уравновешенный юноша, худой, с прилизанными волосами. Он не мог забыть прошлое так просто, как сестра. Сначала он хотел поступить в военное училище, но Белосельский сумел его переубедить. Главным качеством Милоша было послушание. Он относился к опекуну с чувством глубокого уважения и благодарности. Привязанность возникла сама по себе, хотя он ему и говорил по-прежнему «дядя». Одно лишь угнетало Милоша – воспоминание о некоей клятве. Когда Милош заговаривал об этом с Алексеем, тот всегда старался уйти от ответа. Это единственное,

что обижало молодого человека. Еще Милоша заботило, что сестра превратилась в законченную кокетку и тратила слишком много денег на наряды, он не раз пытался доказать, что не следует такого делать «в чужом доме».

– Но это ваш дом, дети мои, – говорил тогда Белосельский, случайно услышав эти слова, – да, да. Дом записан на ваше имя. Этот особняк ваш. Вы такие же собственники в нем, как и я. Ива молча улыбалась.

Иногда Белосельский отсутствовал по несколько месяцев, и «дети» оставались предоставленными сами себе. Однажды Ива, будучи первокурсницей, пригласила в особняк почти всех своих одноклассников. Молодежь устроила безумную вечеринку в гостиной и холле. Ночью музыкальные аккорды были настолько проникновенны, что едва не пострадали барабанные перепонки охранявших дом «железных церберов». На следующее утро почти все вазы, картины, драпировки, канапе оказались в таком плачевном состоянии, как будто по этажам прошли полчища солдат Мамай и Чингисхана. Милош тоже принимал участие в этой вакханалии, как он потом честно признался. Белосельский, как ни странно, не рассердился. Он лишь погладил по волосам Иву, которая заявила, что совершенно ни при чем.

– Тебе было хорошо? Ты повеселилась?

Ива утвердительно кивнула головой и посмотрела своими невинными голубыми глазами, в которых таилось глубокое лукавство.

– Тогда я рад. Мебель и драпировки сегодня заменят.

Когда девушка поняла, что ее никогда не накажут и, более того, что опекун никогда не обидит ее ни словом, ни жестом, ни намеком, она стала настоящей проказницей и озорницей. Она устанавливала в гостиной караоке и принималась исполнять в микрофон популярные мелодии. При этом танцевала весьма зажигательно. Даже Милош протестовал. Иногда девушка, подражая какой-то героине из фильма, на велосипеде носилась как ветер по второму и третьему этажам просторного особняка с риском опрокинуть китайские вазы и картины. Белосельский проявлял необыкновенное терпение и лишь затворился в своем кабинете.

А бывало, что на девушку набегала легкая грусть – она не спускалась к ужину, когда все собирались за столом. Дразнила экономку и повара. А к Виталию относилась, как к слуге. Последний оказывался на редкость весьма терпимым.

Однако к учебе Белосельский относился весьма щепетильно. Ива ведь училась в одном из самых престижных вузов Москвы, и однажды, из-за постоянных вечеринок, «завалила» один экзамен. Белосельский тогда поговорил с девочкой так печально и вместе с тем убедительно, что она ощутила себя виновной. В нем был необыкновенный дар убеждения.

– Что ты сказал ей, дядя? – спросил Милош.

– Это секрет! – улыбаясь отвечал Белосельский.

Подруги, окружавшие Иву в институте, которых она часто приглашала в особняк, отнюдь не являли собой пример воспитанных, благоразумных и образованных девиц. Они, конечно, были детьми достаточно состоятельных родителей, и с детства у них было все, но несмотря на это их души были пропитаны ядом зависти и фальши. Белосельский ясно видел это. Девицы часто просили Иву одолжить им то машину, то шофера, то коллекцию шляпок или туфель. Иногда даже позволяли себе брать деньги взаймы. Но здесь уж Ива проявляла наибольшую рассудительность и осторожность. К концу четвертого года обучения Ива, наконец, поссорилась почти со всеми своими подругами кроме одной и вскружила голову всем симпатичным молодым людям. Но сама пока не была влюблена. Ей не хотелось сильно влюбляться, ей нравился то один, то другой. Серьезных отношений она не хотела.

Обо всем этом думал Белосельский пока ехал. В конце концов, разве он достиг так мало? У него есть семья, правда, неполная... но семья... без жены Елены, которая так и не простила его. Войдя в гостиную, он застал Иву, которая распаковывала только что купленную модную

коллекцию одежды, красиво уложенную в форме пирамиды из блестящих коробок, перевязанных цветными ленточками.

– Их так много, что я одна не унесу в свою комнату. Попрошу их отнести наверх.

Глаза девушки горели от любопытства, щеки полыхали румянцем.

– Я тебе помогу.

– Не надо, дядя, на что тогда «слуги»? Это последняя коллекция от Люсьена Меор. Только что принесли.

Она подставила ему лобик для поцелуя, но затем снова погрузилась в созерцание только что приобретенных вещей.

– Я рад, что тебе нравится. Это костюмы? Вижу. Ты потрясающая красавица, Ива.

Он хотел снова прикоснуться к ее волосам, но девушка ответила:

– Не впадай в сентиментальность, дядя. Ты мне мешаешь... Посмотри, какой чудесный жакет...

– Извини, я не хотел тебе мешать. А где Милош?

– Не знаю. Он вроде как встречается с друзьями. Кстати, на эту покупку ушло несколько миллионов, а моя кредитная карта... К тому же я же должна отметить получение диплома.

– Без сомнения. Я положу еще сто миллионов, этого, надеюсь, хватит?

– Конечно, дядя. Кстати, я сама уже хочу водить, и шофер мне надоел... он меня стал раздражать последнее время, уж очень глупая физиономия, похожая на павиана.

И девушка звонко засмеялась.

– Давай это обсудим позже, – Белосельский невольно поморщился, – я тебе подарю новую машину и ты сможешь водить сама.

– Ты мне это обещаешь уже вечность, надо мной все уже давно смеются. Я хочу водить сама. Понимаешь меня?

– Обещаю, так и будет.

Ива, недослушав, выбрала из груды блестящих упаковок несколько коробок с наиболее красивыми жакетами и поспешила подняться наверх в свою комнату – примерять наряды перед зеркалом.

Белосельский сделал знак Виталию, чтобы тот попросил «дежурного цербера» отнести остальные коробки в комнату Ивы. «Старый пес» был уже сед и производил впечатление старика, которому не терпится уйти на пенсию.

– С Вашего разрешения, я хотел бы поговорить с Вами о...

– Позже, позже, – ответил Белосельский. – Нет новых данных по нашим текущим проектам? Нам никто не угрожает из серьезных людей?

Виталий печально покачал головой.

– Звонила Ваша жена.

– Что ей нужно? – резко вскричал Белосельский. – Почему ты не сказал раньше? Ты знаешь, что сейчас я занят!

– Вы сами меня попросили больше о ней не напоминать, но она настаивает.

– Что она хочет?

– Поговорить.

– Нам не о чем беседовать, так ей и передай... А что касается тебя, твоих проблем, то завтра поговорим, – заключил хозяин и поднялся в свой кабинет. Здесь он позволил себе наконец снять пиджак, расстегнуть пуговицы у горла и отбросить сверкающую панель смартфона на красивый столик с изогнутыми ножками. Приоткрыв окно на веранду, Белосельский несколько минут вдыхал прохладный осенний ветер. Затем он сел за письменный стол и принялся пробежать глазами материалы досье, сложенные под пресс-папье. Затем он включил ноутбук и целиком погрузился в глубокое море счетов и цифр, которые, казалось, жили по своим собственным законам. Цифры – это особый мир со своими драконами, эльфами, чудовищами, и над всеми

главенствует его величество итог, который словно паук стягивает в свою паутину столбцы доходов и расходов.

В дверь постучали. Белосельский подумал, что это Ива с какой-нибудь просьбой, но увидел перед собой довольно крепкого телосложения девушку лет тридцати, с копной черных как смоль волос, немного резким, почти орлиным профилем, чувственными губами и волевым подбородком. Руки и ноги у девушки были довольно изящные. Она была недурно сложена, если не считать совсем легких недостатков фигуры.

– Я помешала?

Голос у девушки был немного резкий, хриловатый – так непохожий на мелодичный нежный голосок Ивы.

– Нет, что ты. Проходи, Самина. Ты же знаешь, я всегда рад тебе.

– Я установила новые камеры на первом этаже и в холле. Они такие миниатюрные и так замаскированы, что ты ни за что не угадаешь.

– Спасибо. Завтра проверю, но ты правда думаешь, что это необходимо?

– Да.

– Ты не доверяешь Виталию?

– Я никому не доверяю. Особенно мужчинам. Единственный человек, которому я верю, это Вы.

Белосельский улыбнулся.

– Самина, поверь, что я очень ценю твоё отношение ко мне. Ты мой лучший телохранитель. Ты одна из очень немногих, на которых я всецело полагаюсь. Но это не должно вселять в тебя уверенность в том, что я хуже буду относиться к другим. Я хочу быть справедливым и беспристрастным ко всем.

– Я закурю, хорошо?

– Конечно, у меня в кабинете можно. А вот при Иве не надо, и при Милоше тем более.

Самина очень изящно поднесла сигарету к своим розовым губам и стала пускать сизые кольца дыма.

– О Милоше я как раз и хотела поговорить.

– Что он натворил? Опять пригласил тебя?

– Да, он настаивал на ужине в ресторане, а сегодня предложил прогулку на мотоцикле. Каким-то чудом он узнал, что я увлекаюсь хорошими мотоциклами и люблю скорость.

– Самина, я уверен, что ты сможешь дать ему верный ответ.

– Я уже и дала, но он не хочет слышать «нет». Он должен уже понимать, что когда девушка говорит отказом, настаивать невежливо.

– Ты же можешь поставить его на место. Он не допустит неуважения... Он же не виноват, что ты такая красавица.

– Если бы эту красавицу пригласил другой человек, более зрелый и опытный, – заметила Самина, завлекательно глядя на Алексея, – тогда бы девушка ответила согласием.

– Самина, – отвечал Белосельский, – ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Кроме любви есть и другие чувства. Привязанность, например, причем глубокая и сильная. И эта привязанность тоже может так сильно укорениться в сердце, что ее не вырвать никакими чувствами. И это то, что я испытываю к тебе...

– Почему бы и нет, Алексей? – возразила девушка, касаясь руками его волос.

Он не протестовал.

– Это испортило бы отношения между нами. Ты для меня очень важна. И сама это знаешь. В твоих руках моя жизнь. Разве не каждый день ты подставляешь себя под пули? Разве не ежечасно думаешь о моей безопасности? Это не просто работа.

– Я тебя уважаю за твою искренность и за то, что могу говорить все, что думаю.

– Разве это единственное мое положительное качество?

- Есть и еще, но именно это придает мне иной раз дерзости говорить все без обиняков. Белосельский слегка отстранился от нее и вновь открыл окно на веранде.
- Так что будешь делать с Милошем? Почему бы тебе не принять его приглашение? Это же ни к чему не обязывает тебя.
- Да, но он потом попросит еще встреч...
- Он еще очень молод. Ты красивая девушка. В его годы естественно себя так вести. Не обижайся на него. Я считаю, что от одного ужина в ресторане особой беды не будет.
- Как скажешь!
- Я тебя не заставляю, Самина. Ты и только ты решаешь. Я просто даю совет, и тебе необязательно его выполнять.
- Но намек я поняла.
- В любом случае он еще не завершил учебу. Как можно загадывать?
- Меня привлекает совсем другой тип мужчин.
- Скажи ему об этом.
- Хочешь избавиться от меня, чтобы я тебе не докучала?
- Ни в коем случае!
- Кстати, чем Ива лучше меня?
- Самина...
- Хорошо, извини, я пошутила, вижу по твоим глазам. Я иногда говорю лишнее. Это мой недостаток, ты же знаешь.
- Ива – моя воспитанница, я ее опекун. Она мне очень дорога и я сделаю все для ее будущего.
- Самина опустила глаза.
- Как там поживает наш генерал? – спросила она, меняя тему разговора.
- Этот генерал? Мне не удалось его смягчить.
- Я так и думала.
- Знаешь, что он натворил со своим братом, будучи ректором вуза по подготовке кадетов? Лучше не вспоминать.
- Красивое лицо Самины исказила такая страшная гримаса, что она стала похожа на разъяренную тигрицу – воплощение ярости и мести.
- Ты не мстительна, Самина.
- Я думаю, это мой самый большой недостаток. Я не могу забыть обиды, которые мне причинили... Ну хватит об этом, я хочу, чтобы ты подтвердил мне одну вещь.
- Какую?
- Помнишь, ты мне обещал – что бы ни произошло, я всегда прикрываю только тебя одного. Других нет, как бы близки они тебе ни были.
- Я это знаю, но...
- Ты дал слово, вспомни.
- Да, и не беру его назад.
- Но в прошлом ты нарушал его. Я почти полгода была рядом с Ивой в этом институте под видом студентки и мне это изрядно надоело.
- Тогда была опасность. Ты же знаешь, они хотели выйти на меня через моих детей. Это было необходимо. Потом опасность отдалилась. Ведь это вопрос доверия.
- Все равно, Алексей. Больше я так не хочу. Я думаю только о твоей безопасности. Я защищаю только тебя. Никто другой для меня не существует. Почему? Потому что я тобой восхищаюсь как человеком. Иву же я охранять не хочу, попроси кого-нибудь другого.
- Хорошо, поручу это Дарье.
- Да, это отличная мысль. Тем более Даша сама недавно закончила институт и учеба ей к лицу. А на меня лекции и семинары навевают не просто скуку, а отвращение.

– Договорились... Кстати, тебе нравится наша программа обнаружения снайперов? – спросил Белосельский, меняя тему разговора.

Самина презрительно фыркнула.

– Это все детские игры. Такие вещи нужно чувствовать. Ты сам это знаешь.

– Но все равно.

Самина несколько минут доказывала, что не нуждается ни в каких «программах».

– Еще одно, Самина. Ива хочет водить машину. Ты прекрасно знаешь, какой у нее характер. Я ей подарю «Мерседес», но нужно поставить автоматический ограничитель скорости и, естественно, спутниковое слежение с нашей новой инновационной программой. Я должен заботиться об Иве каждую секунду. Сделай это незаметно.

– Ты слишком уж беспокоишься за Иву. Она давно не девочка.

– Нет, она мне дорога. Очень дорога. Я должен все предусмотреть.

– Хорошо, как только прибудет машина, я все там установлю сама. Положись на меня...

И помни – ты дал мне слово.

Белосельский еще раз кивнул в знак согласия и опять взялся за свой ноутбук. Самина поняла, что аудиенция окончена, и удалилась. В то время как Белосельский мысленно прикидывал, сколько ему понадобится миллионов на ближайший месяц, в дверь опять постучали. Оказалось – Виталий.

– Опять Ваша жена. Говорит, что речь идет о Вашей дочери.

Белосельский отодвинул ноутбук и послушно взял телефонную трубку.

Глава 3. Проблемы жены

Елена вела жизнь беспечную и даже праздную. Состояние, которое ей оставил Белосельский, было уже частично потрачено, частично заложено. Банк давным-давно продан. Вместо него был учрежден трастовый фонд, приносящий небольшой доход, который не мог удовлетворить аппетиты уязвленной обиженной женщины. Впрочем, Елена не страдала отсутствием внимания со стороны мужчин. Ее новым гражданским мужем стал один из столичных ловеласов, которого, как поговаривали некоторые, нашел сам Белосельский. Сей любимец женщин по имени Никита являл собой типичный образ повесы, бездельника и альфонса. Тем не менее он нравился Елене, и она вполне была довольна, что ее красота не увядает.

Вместе со своим бойфрендом Елена занимала роскошный особняк на *** улице. (Впрочем, у нее был еще один загородный трехэтажный коттедж, в котором она любила отдыхать.) Ее дочь Ирина унаследовала от матери взбалмошный непредсказуемый характер, железное упрямство и глубокое самомнение. От Белосельского же ей досталась лишь непреклонная воля и желание идти наперекор всему миру. Почти предоставленная сама себе, Ирина водилась с подозрительными шумливыми юнцами, которые пышно именовали себя «Полночными Койотами», и в черной кожаной куртке, длиннющих черных сапогах разъезжала по всему городу на мотоцикле без шлема. Ее брат Иван был под стать своей сестре. Он вообще примкнул к неформальному музыкальному юношескому объединению, и вместо того, чтобы посещать школу, наигрывал на гитаре визгливые мотивы. Воспитанием своих отпрысков Елена не собиралась заниматься. Когда Ирина и Иван были совсем маленькими, Елена пробовала нанимать домашних учителей, но увидев, что ее чада не стремятся к знаниям, оставила эту бесполезную затею. Затем были постоянные финансовые крахи, взлеты и падения. Иногда случалось так, что Елена рисковала потерять и недвижимость, и счет в банке, и всегда ее выручал Белосельский. Он вообще редко навещал своих собственных детей. Он не привык с ними встречаться, они были для него чужими. Он привык к тому, что они всегда требовали у него деньги, а потом не желали его и вовсе видеть. Тем не менее Белосельский считал себя обязанным по отношению к Ирине и Ивану и всегда приходил им на помощь.

И теперь после звонка Елены, хотя было уже далеко за полночь, он мчался к жене.

– Хотите, шеф, я запрошу данные через спутник и мы узнаем о передвижениях Вашей супруги? – предложил Виталий.

– Нет, не нужно отвлекать наши ресурсы. Сейчас все разрешится.

Белосельский ворвался в дом с такой стремительностью, что чуть было не сшиб с ног бойфренда жены, который стоял посреди холла с бильярдным кием в руках и глупо ухмылялся. Алексей не удостоил его своим приветствием и только сказал:

– Елена мне звонит в полночь, а ты играешь в бильярд? Не наигрался в клубах?

– Не кипятись... Я-то здесь при чем? Это у Ирины неприятности.

– Что случилось?

– Она опять арестована за какие-то проделки. Разбила машину за десять миллионов и пыталась удрать. Твоя дочь не пострадала.

– Я это знаю. А тебя, как видно, кроме развлечений ничего не беспокоит? Мне иногда кажется, что я допустил ошибку, согласившись на твое присутствие в этом доме.

– Да, но взамен этого ты сам можешь приглашать самых красивых моделей Москвы...

Белосельский схватил наглеца за шиворот.

– Не вымещай на мне гнев из-за дочери. Это она разбила машину, а не я. И отпусти рубашку.

– Не смей так со мной разговаривать!

Белосельский отпустил наглеца.

– Ладно, я пошутил.

– Не смей делать мне постыдных намеков, иначе я обращу тебя в былое ничтожество. Станешь опять бродить по ночным улицам с грошами в кармане или подрабатывать в мужском стриптизе.

В это время их спор прервала Елена. Никита поспешил улизнуть. Белосельский смотрел на свою жену и словно не узнавал ее. Перед ним все та же женщина, которую он знал, но красота ее поблекла; она остригла свои длинные золотистые волосы, в уголках рта и около глаз появились сеточки морщин; кроме того, сильный макияж придавал Елене вид перезрелой красавицы из «Мулен Руж». Однако Алексей видел и ее душу – тщеславную, эгоистичную и почти бесчувственную.

– Давай спокойно поговорим. Никита прав: не стоит вымещать на нем досаду и гнев. Если бы ты занимался воспитанием своей дочери, то сейчас бы всего этого не произошло.

– Ирина опять попала в переделку?

– К сожалению, да. Но главное, что без единой царапины.

– Это главное, конечно, но есть и другая сторона.

– Какая же?

– Ты меня опять просишь задействовать связи, а мне этого не хочется делать. Ирина станет ответственной только тогда, когда поймет, что такое закон.

– Она ребенок. Ей всего шестнадцать лет.

– Это уже совершеннолетие. Ты ведь не была столь же наивной в ее возрасте?

– Так ты не сможешь?

Белосельский задумался на секунду.

– Ты заставляешь меня поступиться своими принципами. Хорошо, я позвоню кое-кому. Но это в последний раз. Я не желаю, чтобы ты меня дергала посреди ночи.

– Конечно! – со жгучей иронией воскликнула Елена. – Как будто она не твоя дочь.

– Разве не ты сама хотела, чтобы я не воспитывал ее?

– Боже мой! – вскричала Елена, начиная раздражаться не на шутку. Она схватила хрустальную вазу со стола и кинула ее на пол. – Ты опять меня изводишь! Мы это обсуждали раз сто! Ты все позабыл!

– Ты всегда начинаешь первая... неужели мы никогда не сможем говорить спокойно?

– Видимо, нет.

– Я всегда владею собой в отличие от тебя. Довольно упреков, Ирина будет освобождена утром. И вернется домой. Ты ведь этого хочешь?

– Да... Это должно быть и твоим желанием. А кроме того...

– Кроме того, что?

– У меня опять возникли расходы, – Елена твердо сжала зубы и взяла его за руку.

– Кто бы сомневался.

– Не надо иронии. Это самое малое, что ты можешь для нас сделать. Я не прошу у тебя тех миллиардов, которые ты тратишь на чужих людей.

– А где банк, который я тебе оставил?

– Прекрати.

– Если ты не сумела вести бизнес, то это не моя вина. То, что вместо опытных менеджеров твоей фирмой руководили проходимцы, которые в конце концов не только разорили тебя, но и заставили вмешаться меня. Я учредил тот фонд. А этот дом? Разве не я тебе его подарил?

– Ты обязан был это сделать.

– Не спорю. Но я вспоминаю об этом, чтобы ты хотя бы немного умерила свои аппетиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.